

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

СОВЕТ ЕВРОПЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

РЕШЕНИЕ О ПРИЕМЛЕМОСТИ

Жалоба № 62936/00
Валентин МОЙСЕЕВ против России

Европейский суд по правам человека (Первая секция) в заседании 9 декабря 2004 года Палаты в составе:

Г-н К.Л. РОЗАКИС (C.L. Rozakis), *Председатель*,

Г-н Л. ЛУКАИДЕС (L. Loucaides),

Г-н П. ЛОРЕНСЕН (P. Lorenzen),

Г-жа Н. ВАЙИЧ (N. Vajić),

Г-жа С. БОТУЧАРОВА (S. Botoucharova),

Г-н А. КОВЛЕР (A. Kovler),

Г-н К. ХАДЖИЕВ (K. Hacıyev), *судья*,

и г-н С. НИЛЬСЕН (S. Nielsen), *регистратор секции*,

Рассмотрев вышеуказанную жалобу от 1 ноября 2000 года,

Рассмотрев меморандум, представленный государством-ответчиком, и возражения на меморандум, представленные заявителем,

После обсуждения вынес следующее решение:

ФАКТЫ

Заявитель, г-н Валентин Иванович Моисеев, является гражданином России, родился в 1946 году и проживает в г. Москве. В Суде его представляют г-жи К.Москаленко и К.Костромина, адвокаты Центра содействия международной защите, практикующие в Москве, и В.Пойкерт, адвокат, практикующий в Страсбурге. Государство-ответчик представляет г-н П.Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

А. Обстоятельства дела

Факты по делу, как они представлены сторонами, могут быть суммированы следующим образом.

1. Задержание заявителя и предъявление обвинения

3 июля 1998 года Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ) задержала южнокорейского дипломата г-на Ч. при получении некоторых материалов от заявителя, который в то время был заместителем директора Первого департамента Азии Министерства иностранных дел Российской Федерации. На следующий день г-н Ч. был объявлен *persona non grata* и покинул Россию.

3 июля 1998 года в 23.30 группа в составе восьми вооруженных сотрудников ФСБ вошла в квартиру заявителя и провела там обыск. Они задержали заявителя и препроводили его в СИЗО «Лефортово».

3 августа 1998 года МИД уволил заявителя за серьезные нарушения российского законодательства о государственной службе.

4 июля 1998 года следователи Следственного управления ФСБ допросили заявителя в качестве подозреваемого по делу о государственной измене. По словам заявителя, следователи запугивали его с целью получения признания, угрожая выдвинуть обвинения против его дочери и сына и посадить их в соседнюю камеру.

6 июля 1998 года заместитель Генерального прокурора санкционировал заключение под стражу заявителя. В дальнейшем срок содержания заявителя под стражей несколько раз продлевался.

8 июля 1998 года следователь обратился в Юридическую консультацию № 13 с просьбой назначить заявителю адвоката. Заведующий Юридической консультацией назначил г-на Коновала.

9 июля 1998 года г-н Коновал прибыл в Следственное управление ФСБ и предложил свои услуги заявителю.

13 июля 1998 года в присутствии г-на Коновала заявителю было предъявлено обвинение в государственной измене. Он был обвинен в

разглашении секретной информации представителю южнокорейской разведки.

15 июля 1998 года заявитель пригласил г-на Гервиса в качестве своего адвоката.

22 и 23 июля, 16 сентября и 12 ноября 1998 года следователь постановил арестовать автомобиль и гараж заявителя, 5447 долл. США и домашний компьютер в обеспечение возможной конфискации имущества заявителя в результате признания виновным.

14 января, 12 марта и 20 мая 1999 года заявитель предпринимал попытки опротестовать постановления о продолжении его содержания под стражей.

1 февраля и 4 июня 1999 года Московский городской суд рассмотрел жалобы заявителя и отклонил их как необоснованные. Суд постановил, что следователь правильно выбрал меру пресечения с учетом тяжести обвинения и возможности у заявителя скрыться от следствия или помешать ему.

10 июня 1999 года было закончено предварительное следствие и заявитель получил доступ к материалам дела.

25 августа 1999 года заявителю было вручено обвинительное заключение. Заявителю не было разрешено взять копию обвинительного заключения в свою камеру, поскольку этот документ содержал секретную информацию. Заявитель имел доступ к обвинительному заключению в спецчасти изолятора.

2. Первый обвинительный приговор и его отмена

16 декабря 1999 года Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда признала заявителя виновным в соответствии с предъявленным обвинениям, приговорила его к 12 годам заключения и конфисковала имущество, на которое был наложен арест.

15 июня 2000 года и в другие дни заявитель и его адвокаты подали кассационные жалобы.

25 июля 2000 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и направила дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение. Она постановила следующее:

“Признавая Моисеева виновным, в совершении преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, суд указал, что Моисеев в период с 1992 года по январь 1994 года... занимался ... передачей южнокорейской разведке сведений и документов, составляющих государственную тайну. При этом суд ограничился лишь общим перечислением сведений и документов... и не указал, какие сведения и документы, когда именно были переданы Моисеевым. Поскольку инкриминируемые Моисееву деяния носят продолжаемый по

времени характер и охватываются периодом времени с 1992-1993 гг. по июль 1998 года, в течение которого имело место изменение законодательства Российской Федерации, то установление таких данных судом имеет существенное значение для дела.

Согласно положениям ч. 4 ст. 29 Конституции..., перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен быть определен федеральным законом. Такой перечень был определен федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 6 октября 1997 г. Таким образом, до указанного времени отсутствовал соответствующий требованиям Конституции РФ перечень сведений, составляющих государственную тайну. Отсутствие в приговоре данных о времени передачи Моисеевым сведений и документов не позволяет сделать правильный вывод о том, какие именно из инкриминируемых Моисееву действий совершены им в период действия федерального закона, соответствующего требованиям Конституции РФ, содержащего перечень сведений, составляющих государственную тайну.

Как следует из материалов дела, выводы экспертиз по определению степени секретности... сделаны... экспертами МИД РФ на основании Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г., Указа Президента РФ от 30 ноября 1995 года «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» и Постановления правительства РФ от 18 сентября 1992 года «О временном перечне сведений, составляющих государственную тайну», а экспертом Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ на основе Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 года, Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года и Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденного Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 года.

Вместе с тем, следует учитывать, что в Законе РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года, на который делается ссылка в вышеуказанных заключениях экспертов, отсутствовал перечень сведений, составляющих государственную тайну. В ст. 5 данного закона (в редакции от 21.07.1993 г.) указывается лишь на сведения, которые могут быть отнесены к государственной тайне. С учетом изложенного, подлежит оценке и правильность выводов, содержащихся в заключениях экспертиз...

Принимая во внимание, что объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, составляют указанные в ней действия лишь со сведениями, являющимися государственной тайной, суду необходимо было установить, какие из указанных в обвинительном заключении сведений и документов, переданных Моисеевым, могут быть отнесены, в соответствии с требованиями действовавшего на тот момент закона, к государственной тайне.

3. Второй обвинительный приговор

(а) Суд под председательством судьи Губановой

5 сентября 2000 года Московский городской суд начал слушать дело заявителя. В состав суда входили председательствующая судья Губанова и два народных заседателя.

Заявитель ходатайствовал об освобождении из-под стражи до суда. В тот же день суд отклонил ходатайство. Суд постановил, что

содержание под стражей может быть применено к лицу, обвиненному в государственной измене, только лишь на основании опасности преступления, и потому оснований для освобождения заявителя из-под стражи нет.

11 сентября 2000 года заявитель ходатайствовал перед судом об изменении примененной к нему меры пресечения. В тот же день суд отказал в удовлетворении ходатайства, постановив, что одна лишь опасность преступления является достаточным основанием, чтобы содержать его в заключении.

15 сентября 2000 года заявитель опротестовал определение от 11 сентября в Верховном Суде Российской Федерации. По словам заявителя, его ходатайство не было рассмотрено. Он утверждает, однако, что в письме судьи Верховного Суда Галиуллина председателю Московского городского суда Егоровой от 14 марта 2001 года указано, что «не имеется оснований для ходатайства об отмене определения суда» (копия документа не была представлена Суду).

(b) Суд под председательством судьи Коваль

29 ноября 2000 года на стадии последнего слова исполняющий обязанности председателя Московского городского суда судья Коржиков дал указание об изменении состава суда, ссылаясь на болезнь судьи Губановой. В тот же день судья Коваль и два новых народных заседателя были назначены слушать дело.

В тот же день заявитель заявил отвод новому составу суда как незаконному и запросил копии решений, официально оформляющих замену, и документов, подтверждающих законность назначения новых народных заседателей, поскольку не было приведено никаких причин их замены. Судья Коваль отклонила отвод в общих выражениях.

Заявитель обратился с жалобой в Верховный Суд Российской Федерации. 14 марта 2001 года Верховный Суд отказал в удовлетворении жалобы. Он признал, что судья Губанова действительно болела в период с 15 ноября по 13 декабря 2000 года, а также в период с 18 декабря 2000 года по 18 января 2001 года, и потому решение от 29 ноября 2000 года было законным и оправданным. Суд не рассмотрел вопрос о назначении новых народных заседателей.

1 декабря 2000 года заявитель вновь ходатайствовал об освобождении из-под стражи, утверждая о своей невиновности. Московский городской суд отклонил ходатайство, определив, что мера пресечения была применена в соответствии с законом и оснований изменять ее нет. Заявитель обратился с жалобой в Верховный Суд. По его словам, суд не рассмотрел жалобу по существу.

10 апреля 2001 года судебное заседание было отложено до 13 июня 2001 года для перевода ряда документов с корейского языка на русский. Суд не согласился с ходатайством заявителя о назначении для этой работы гражданского переводчика и выбрал по своей собственной инициативе переводчика, который в прошлом работал в военно-дипломатическом отделе государственного информационного агентства «Новости». Заявитель ходатайствовал об отмене назначения переводчика и решения об отложении судебного заседания, которое означало продление его содержания под стражей. Суд отказал в удовлетворении этого ходатайства.

6 июня 2001 года Верховный Суд Российской Федерации отказал в удовлетворении жалобы в связи с отложением судебного заседания как необоснованной.

(с) Суд под председательством судьи Медведева

10 июля 2001 года, после трехмесячного перерыва в слушаниях, весь состав суда был заменен и дело передано судье Медведеву и двум новым народным заседателям. Объяснения замены даны не были.

Заявитель безуспешно ходатайствовал об отмене замены состава суда.

16 июля 2001 года заявитель обратился с жалобой на отклонение ходатайства в Верховный Суд Российской Федерации. 26 сентября 2001 года Верховный Суд отклонил эту жалобу как необоснованную.

(d) Суд под председательством судьи Комаровой

i. Замена председательствующего и народных заседателей

20 июля 2001 года судья Медведев и оба народных заседателя были заменены судьей Комаровой и двумя новыми народными заседателями. Основания для этого указаны не были.

Заявитель заявил отвод новому составу суда; в тот же день его ходатайство об отводе было отклонено.

Его жалоба в Верховный Суд от 24 июля 2001 года была рассмотрена и отклонена 26 сентября 2001 года.

ii. Новая замена народных заседателей

31 июля 2001 года оба народных заседателя были еще раз заменены на новых без указания причин замены.

Заявитель ходатайствовал против новой замены, но безуспешно. Его жалоба на отказ в удовлетворении ходатайства была рассмотрена и отклонена Верховным Судом 26 сентября 2001 года.

iii. Последующие ходатайства об освобождении из-под стражи

10, 20 и 31 июля 2001 года заявитель заявлял еще три ходатайства об освобождении из-под стражи. В те же дни они были отклонены Московским городским судом. Каждый раз суд постановлял, что мера пресечения применена законно и нет оснований для ее изменения или отмены.

16 и 24 июля и в начале августа 2001 года заявитель обращался с жалобами на эти определения в Верховный Суд.

26 сентября 2001 года Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел все три жалобы и оставил без изменения определения городского суда.

iv. Признание заявителя виновным

14 августа 2001 года Московский городской суд признал заявителя виновным в государственной измене в соответствии со статьей 275 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Что касается *actus reus* преступления, то суд нашел, что, находясь в длительной дипломатической командировке в Сеуле в 1992-1994 годах, заявитель дал согласие на неофициальное сотрудничество с Агентством планирования национальной безопасности (АПНБ) за регулярную оплату. Во исполнение указаний АПНБ в период с начала 1994 года по 3 июля 1998 года заявитель организовал не менее 80 встреч с агентом АПНБ г-ном Ч., и передал АПНБ значительное число документов. В частности, в августе и ноябре 1994 года, в мае и сентябре 1995 года 18 марта, 20 июня и в сентябре 1996 года, а также осенью 1997 года заявитель передал секретную информацию, составляющую государственную тайну в области военного сотрудничества между Россией и Северной Кореей. В 1994-1998 годах заявитель также передал копии официальных документов, не содержащих государственную тайну. Кроме того, в 1997 года в соответствии со списком, составленным г-ном Ч., заявитель добыл и предоставил г-ну Ч. копии договоров и протоколов о сотрудничестве между Россией и Северной Кореей. Суд установил, что АПНБ выплатило заявителю в качестве вознаграждения не менее 14 тыс. долл. США.

Суд обосновал свои утверждения ссылками, в частности, на показания самого заявителя, полученные у него в дни сразу же после задержания, и показания нескольких свидетелей. Большинство свидетелей названы в приговоре только по своим трем инициалам, т.е. первыми буквами имени, отчества и фамилии. У некоторых свидетелей указывалась только первая буква их фамилии.

Свидетель «К.Г.Б.» показал на предварительном следствии, что практически все документы, подготовленные в Министерстве

иностранных дел и касающиеся двусторонних отношений России с другими странами и оценки политической и экономической ситуации в этих странах, содержат конфиденциальную информацию, и их огласка или передача другим государствам крайне нежелательна. Суд отметил, что 12 сентября 1990 года, приступая к работе в Министерстве иностранных дел, заявитель дал подписку о неразглашении государственной или служебной тайны. Свидетели «М.А.И.» и «И.А.Т.» показали на предварительном следствии, что заявитель имел доступ к служебным документам, которые интересовали южнокорейцев, и что причастность г-на Ч. к разведслужбе была общеизвестна в кругу кореистов. Их показания на следствии были зачитаны в судебном заседании, а свидетель «Т.Г.Д.» также сделал устные заявления в суде на этот счет. И свидетель «И.А.Т.», и свидетель «Т.Г.Д.» показали, что южнокорейцы хорошо знали вопросы, о которых не должны были бы быть осведомлены.

Далее суд отметил, что, по информации Службы внешней разведки РФ и Главного разведывательного управления ГШ ВС РФ, во время работы в Сеуле в период с июня 1992 года по февраль 1994 года заявитель поддерживал контакты с сотрудниками корейских разведслужб и бесечно обсуждал конфиденциальные вопросы в незащищенных помещениях. В 1996 года выяснилось, что южнокорейская разведка регулярно получает секретную информацию, к которой имел доступ заявитель, и что заявитель поддерживает личные контакты с г-ном Ч. за вознаграждение. Сотрудник Федеральной службы безопасности свидетель «М.» показал в судебном заседании, что в январе 1996 года он встречался с заявителем и информировал его о том, что г-н Ч. является официальным представителем АПНБ в Москве. Заявитель признал, что он знал об этом сам.

Ссылаясь на письмо Управления контрразведывательных операций Департамента контрразведки ФСБ РФ от 9 июля 1998 года, суд установил, что в феврале 1997 года СВР предоставила ФСБ копии «Проекта приказа по организации работы резидентуры АПНБ в Москве на 1997 год» и «личного агентурного дела» заявителя, из которых следовало, что заявитель был завербован АПНБ во время его пребывания в Южной Корее и включен в действующий агентурный аппарат этой службы. Заявитель оспаривал точность перевода, в частности, перевод корейского слова «кончжаквон»^{*} как «действующий агент». С привлечением мнения свидетеля «М.», который изучал корейский язык и показал, что словарь переводит это слово и как «работник», и как «лицо, выполняющее задание какой-либо организации за вознаграждение», суд установил, что перевод был

^{*} В оригинале это слово написано на корейском языке (прим. переводчика).

правильным, поскольку лицо, выполняющее задания иностранной разведслужбы за вознаграждение, фактически является «действующим агентом» этой службы.

Суд опирался на заключения неуказанных экспертов для того, чтобы установить, что информация, переданная заявителем, содержала государственную тайну. Он признал следующее:

“Суд соглашается с заключениями экспертов, поскольку они проведены компетентными лицами, с соблюдением уголовно-процессуальных норм, научно аргументированы. Согласно экспертным заключениям, вышеназванные сведения раскрывают содержание российской международной политики, соглашений по взаимодействию с иностранными государствами в области военного сотрудничества и военной разведки, а также содержат политически значимую информацию.

Доводы подсудимого и его адвокатов о некомпетентности экспертов нельзя признать обоснованными, поскольку экспертные исследования проводились комиссионно, с включением в состав экспертной комиссии экспертов по ходатайству Моисеева и защиты, по их же ходатайству в ходе судебного разбирательства участвовали эксперты, проводившие в составе комиссии экспертизу на предварительном следствии, и которыми в суде были даны письменные заключения и разъяснения...”

Что касается утверждения заявителя о принуждении к самооговору, суд признал следующее:

“Как видно из материалов дела, на предварительном следствии показания, касающиеся совершенного преступления, Моисеев давал неоднократно и в присутствии различных адвокатов, неоднократно ему разъясняли права подозреваемого и обвиняемого, при этом какие-либо жалобы применения к нему недозволенных методов ведения следствия ни он, ни его адвокаты не представляли. Более того, он еще на предварительном следствии в присутствии того же адвоката стал изменять свои показания, что свидетельствует об отсутствии давления, которое могло бы его заставить давать ложные показания”.

В судебном заседании были допрошены следователь П. и его начальник О., которые отрицали, что оказывали какое-либо давление на заявителя, и заявили, что Уголовно-процессуальный кодекс и российская Конституция перед допросом давались заявителю.

Наконец, суд опроверг в следующих выражениях доводы заявителя о том, что он не может нести ответственность за разглашение государственной тайны, поскольку до внесения изменений в закон «О государственной тайне» 6 октября 1997 года не было перечня сведений, составляющих государственную тайну:

“Согласно ст.2 Закона "О государственной тайне" от 6 октября 1997 года, перечень сведений, составляющих государственную тайну, представляет собой совокупность категорий сведений, в соответствии с которыми сведения

относятся к государственной тайне... Необходимость включения этого понятия в понятийный аппарат обусловлена приведением первоначального текста Закона в соответствие с Конституцией РФ. Поскольку сами сведения, составляющие государственную тайну, не могут быть в явном виде помещены в текст Закона, избран подход, трактующий Перечень как совокупность достаточно общих категорий сведений, описанных в ст. 5 нового Закона.

Таким образом, предусмотренные статьями 5 Законов РФ «О государственной тайне» в редакции 1993 и 1997 годов нормы имеют лишь незначительное терминологическое несоответствие, что никоим образом не может означать, что до 6 октября 1997 года отсутствовали рычаги правового воздействия за посягательство на основы конституционного строя и безопасность российского государства.

Не основаны на законе и доводы о том, что объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, составляют указанные в ней действия лишь со сведениями, являющимися государственной тайной. Предметом шпионажа являются сведения как составляющие государственную тайну, так и иные сведения, которые собираются или передаются по заданию иностранной разведки для использования в ущерб внешней безопасности РФ”.

Учитывая, что заявитель впервые привлекался к уголовной ответственности, его возраст, состояние здоровья, длительное нахождение в условиях следственного изолятора, положительные характеристики с места работы и отсутствие отягчающих обстоятельств, суд применил положение об «исключительных обстоятельствах» статьи 64 УПК* и приговорил его к сроку меньшему, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи, а именно к четырем годам и шести месяцам лишения свободы в колонии строгого режима, с зачетом содержания под стражей с 4 июля 1998 года и конфискацией имущества, на которое наложен арест.

26 декабря 2001 года и в другие дни заявитель и три его адвоката направили кассационные жалобы в Верховный Суд Российской Федерации. Они утверждали о нарушениях прав заявителя, гарантированных российской Конституцией и различными статьями Конвенции. Затронутые в кассационных жалобах вопросы по существу те же, что и поставленные перед данным Судом.

9 января 2002 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации под председательством судьи Галиуллина оставила без изменения приговор от 14 августа 2001 года. Суд отвел аргументы защиты и нашел, что суд первой инстанции и следствие действовали в течение всего разбирательства дела в полном соответствии с внутренним и международным правом. Не было нарушений закона, которые могли бы позволить считать приговор необоснованным или незаконным. Верховный Суд дословно

* Так в тексте оригинала (прим. переводчика)

воспроизвел аргументацию городского суда, касающуюся уголовной ответственности за разглашение государственной тайны.

4. Содержание заявителя под стражей

(а) Условия содержания заявителя под стражей

С 4 июля 1998 года по 25 января 2002 года заявитель содержался в СИЗО «Лефортово», находящемся в ведении Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

i. Общие условия

Правительство утверждает, что заявитель содержался в двухместной камере, площадью 8,2 кв. метра. Камера была оснащена отоплением, принудительной вентиляцией, открывающейся форточкой, мебелью, холодильником, телевизором, раковиной и унитазом. У заявителя было отдельное спальное место и постельные принадлежности. Три раза в день он получал пищу в соответствии с установленными нормами. Заявителю выдавались столовые принадлежности, предметы личной гигиены, а также книги и журналы из библиотеки. Один час в день он имел возможность для прогулки.

Заявитель утверждает, что обычная камера площадью 8,2 кв. м предназначалась для троих, поскольку в ней было три койки, вмонтированные в бетонный пол и стены. В реальности он находился в камере еще с двумя сокамерниками в феврале и марте 2000 года, а затем с 19 сентября 2000 года по 15 января 2001 года. Что касается мебели, то в камере было два небольших столика и открытая полка, которую заключенные с издевкой называли «телевизором», поскольку было видно все, на ней находящееся. В противоположность утверждениям правительства, в камере не было холодильника или телевизора.

В отношении вопросов гигиены заявитель утверждает, что расположенный в углу камеры унитаз не имел сливного бачка, и заключенные наливали в раковине таз воды, чтобы смыть нечистоты. Туалет не был отделен от жилой зоны; заявитель был вынужден пользоваться туалетом и накладывать мазь для лечения геморроя в присутствии сокамерников и надзирателей, которые наблюдали за ними через глазок в двери. Заключенные сами убрали камеру. Веник, совок или моющее средство им не выдавались. Время от времени они получали 100 г каустической соды для дезинфекции унитаза. Раз в неделю заявитель мог пользоваться душем и получал 50 г хозяйственного мыла для мытья.

По словам заявителя, камера было слабо освещена двумя лампочками по 40-60 ватт, находящимися на потолке и прикрытыми

металлической решеткой и матовым стеклянным плафоном. Электрическое освещение никогда не выключалось. В оконной раме также было матовое стекло. Прогулочные дворики расположены на крыше изолятора и их площадь составляла около 10 кв. метров. Стены были высотой три метра, а верх затянут металлической решеткой и сеткой.

Наконец, заявитель утверждает, что пища была скудной и низкого качества. Никогда не давались свежие овощи, фрукты, молочные продукты, говядина или свинина. Он мог получать пищевые продукты от своей жены только дважды в месяц и по 15 кг каждый раз. Он также покупал пищевые продукты в ларьке изолятора.

ii. Медицинские условия

Правительство утверждает, что заявитель был обеспечен достаточной медицинской помощью. Во время содержания под стражей его более 40 раз осматривали в медчасти изолятора и лечили по поводу остеохондроза, вегето-сосудистой дистонии, аллергического дерматита, фарингита и других заболеваний. Медицинские осмотры и консультации осуществлялись квалифицированными врачами, которые делали заявителю рентгеноскопию грудной клетки, желудка и коленного сустава, а также электрокардиограмму. Заявитель получал поддерживающую медикаментозную терапию. Врач также прописал ему диетическое питание, состоящее из дополнительных 20 г сливочного масла, 250 г молока, 22 г киселя в день, а также дополнительного хлеба и сахара.

Заявитель утверждает, что при помещении в следственный изолятор «Лефортово» 4 июля 1998 года он был практически здоров и не имел серьезных заболеваний, за исключением хронического гастрита и геморроя. В результате содержания под стражей он потерял 15 кг в весе. Начиная с июля 1998 года он переболел вегето-сосудистой дистонией, остеохондрозом, дисгидрозом ладони, гигромой коленного сустава, фурункулезом и геморроем. В октябре 1999 года гастрит заявителя перерос в острый гастродуоденит, но никакого систематического лечения он не получил, и лекарства ему вынуждена была приносить жена. В сентябре 2001 года группа врачей, включая гастроэнтеролога, осмотрела заявителя и сделала анализы крови и мочи.

iii. Жалобы в различные инстанции

6 июля 2000 года жена заявителя обратилась к Генеральному прокурору и министру юстиции с жалобой на плохое состояние здоровья заявителя, требующего неотложных медицинских мер.

16 июля и 9 августа 2001 года жена заявителя обратилась к Генеральному прокурору с просьбой разрешить освидетельствовать состояние его здоровья независимыми медицинскими специалистами. 14 сентября 2001 года прокурор управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний отказал в этой просьбе, поскольку «нет оснований для вмешательства Генеральной прокуратуры».

5 декабря 2001 года заявитель обратился в Лефортовский районный суд Москвы с жалобой на общие условия содержания, недостаточную медицинскую помощь, скудное питание и на отсутствие возможности уединения в камере. Заявитель утверждает, что в этот же день его вызвали начальник СИЗО и начальник медчасти для объяснения им причин обращения с вышеуказанной жалобой. Начальник СИЗО имел отпечатанную копию изначально от руки написанной жалобы, хотя она ни в коей мере не была адресована администрации СИЗО.

17 декабря 2001 года Лефортовский районный суд попросил заявителя до 27 декабря 2001 года указать конкретно орган, на который он жалуется, и заплатить судебную пошлину. Заявитель получил это определение только 27 декабря 2001 года. В этот же день суд отклонил жалобу заявителя, поскольку не были выполнены предписания от 17 декабря 2001 года. Копию этого определения заявителю вручили 8 января 2002 года, а на следующий день приговор вступил в законную силу.

(b) Условия транспортировки заявителя из СИЗО в суд и обратно и его содержания в здании суда

i. Условия транспортировки в суд и обратно

Правительство утверждает, что транспортировка заявителя осуществлялась в специальных тюремных фургонах, оборудованных для перевозки заключенных в соответствии с установленными нормами. Типичный автомобиль составляет 3,8 м в длину и 2,35 м в ширину. Его пассажирский отсек имеет две общие камеры, каждая из которых предназначена для 12 заключенных, и одну звуконепроницаемую одиночную камеру. Все камеры оборудованы жесткими скамейками. Для вентиляции служат отверстия во входной двери и аварийные люки в камерах. Камеры освещены все время нахождения заключенных в фургоне. Пассажирский отсек убирается и дезинфицируется ежедневно. Время поездки из изолятора «Лефортово» в Московский городской суд и обратно не превышало 30 минут.

Заявитель утверждает, что для участия в судебных заседаниях его обычно увозили из СИЗО рано утром и обратно не привозили ранее, чем через 10-15 часов. Во время транспортировки заявителя

иногда вместе с восемнадцатью другими заключенными держали в небольшом закрытом помещении задней металлической части тюремного фургона. Пассажирский отсек фургона, помимо камер для заключенных, включал в себя помещение у входа шириной 1,5 метра для двух милиционеров. Обогреватель и освещение работали только при работающем двигателе. Естественного притока воздуха через аварийные люки было недостаточно. Более того, люки расположены в помещении для охранников и они открывали и закрывали люки, когда им заблагорассудится. Пол камер был ужасно грязным, на нем были разбросаны окурки, остатки пищи и упаковки, пластиковые бутылки и пакеты с мочой. Пользоваться туалетом во время транспортировки не разрешалось. Дорога из Московского городского суда в изолятор «Лефортово» значительно превышала 30 минут, поскольку по пути фургон заезжал или в изолятор «Матросская тишина», или в изолятор «Бутырка», которые служили сборочными пунктами для заключенных. В результате этого, время в пути составляло от трех до десяти часов. В качестве примера заявитель приводит следующие данные: 26 декабря 2000 года время в пути из суда в изолятор составляло 3 час. 10 мин., 11 января 2001 года – 4 час. 30 мин., 17 января 2001 года – 4 час. 15 мин., 5 февраля 2001 года – 3 час. 20 мин. 27 июля 2001 года – 3 час. 30 мин. в суд и 4 час. 20 мин. из суда, 30 июля 2001 года 4 час. 50 мин., 3 августа 2001 года – 5 час. 20 мин., 9 августа 2001 года – 5 час. 50 мин. (до 1.10 ночи).

ii. Условия содержания в здании Московского городского суда

Правительство утверждает, что камеры конвойного помещения Московского городского суда имеют стандартные размеры: 1,95 м – длина, 1 м – ширина и 3,1 м – высота. Камеры оборудованы встроенной в пол скамейкой, принудительной вентиляцией, обогревом, освещением и металлической дверью с глазком. В холодное время года средняя температура внутри составляет 22 градуса. Камеры ежедневно убираются и раз в неделю дезинфицируются. В конвойном помещении имеется туалет, в который заключенные могут ходить, когда им захочется.

Заявитель утверждает, что до судебных заседаний, в перерывах между ними и после заседаний в ожидании других заключенных он часами находился в маленьких, размером около одного квадратного метра, невентилируемых камерах в здании суда, называемых «каменными стаканами», совместно с одним или двумя подсудимыми, некоторые из которых были больны туберкулезом. Стены «каменного стакана» покрыты «бетонной шубой». Камера имеет одну прикрепленную к бетонному полу скамейку, на которой едва могут уместиться два человека. Третий человек вынужден стоять. Камера

освещена маленькой лампочкой, спрятанной за металлической решеткой, которая не давала достаточно света для чтения. Пол и скамейка были грязными и покрыты окурками, остатками пищи и обрывками бумаги. В камере не было окон, и единственным отверстием был глазок в двери. Обогрева и принудительной вентиляции не было, воздух был тяжелым от табачного дыма куривших в камерах заключенных и милиционеров, куривших в коридоре. Посещать туалет можно было два-три раза за день по приказу конвойного; вызвать конвойного из камеры было не возможно. Заявитель никогда не получал в камере конвойного помещения никакого питания (горячей пищи или сухого пайка).

Более десяти раз – 7 и 21 сентября, 1, 15, 20 и 23 ноября, 5 и 19 декабря 2000 года, 11 и 29 января, 1 февраля, 5 и 21 марта 2001 года – заявителя привозили в здание суда, а судебных заседаний не было, и его держали в камерах конвойного помещения весь день.

iii. Жалобы в различные инстанции

Заявитель так описывал условия своей транспортировки в жалобе от 25 января 2001 года (или от 25 декабря 2000 года) в Генеральную прокуратуру:

“22 декабря 2000 года, выехав из здания Мосгорсуда около 17 часов, я был доставлен в следственный изолятор ФСБ (Лефортово) в 1 час 15 минут ночи следующего дня, т.е. через 8 часов. Все это время я находился в неотапливаемом автомобиле для перевозки заключенных при температуре воздуха около 10 градусов мороза, без какой-либо еды и питья и даже без возможности посетить туалет. В секциях автомобиля находилось до 18 человек: люди вынуждены были стоять, сидеть на коленях друг у друга. В результате такого «путешествия» у меня появились симптомы простуды, обострился гастродуоденит, появились головные боли и другие симптомы, связанные с длительным сидением на холодных лавках в морозную погоду. Такой факт не является исключением: 19 декабря с.г., например, выезд из здания Мосгорсуда состоялся лишь приблизительно в 21 час 30 минут при том, что судебное заседание закончилось около 17 часов. Прибытие в следственный изолятор состоялось приблизительно в 23 часа. Аналогичные факты имели место и после этого: вместо 10-15 минут, если ехать без задержек, как правило, на доставку в изолятор уходит от 3 до 8 часов”.

28 апреля командир милицейского конвойного полка ответил заявителю, что на неназванного офицера полка, нарушившего установленные правила, наложено взыскание.

13 февраля 2001 года заявитель безуспешно пытался пожаловаться на условия транспортировки администрации следственного изолятора. Подобная же жалоба в Генеральную прокуратуру 13 августа 2001 года имела следствием следующий ответ от 23 ноября 2001 года из ГУВД Москвы:

“Задержки в транспортировке вызваны объективными причинами. Приняты меры по недопущению подобного в будущем”.

В августе 2001 года заявитель пожаловался на унижающие достоинство и бесчеловечные условия транспортировки ведомому делу судьё. Его заявление было занесено в протокол судебного заседания, и судья обещала связаться с соответствующими инстанциями для поиска пути улучшения ситуации.

Заявитель также указывал на ужасные условия транспортировки в следственный изолятор и из него в своей жалобе в Лефортовский районный суд от 5 декабря 2001 года (см. выше).

(с) Ограничения на свидания с родственниками

i. Во время предварительного следствия

Заявитель не имел свидания с родственниками с 3 июля 1998 года по 9 апреля 1999 года.

25 января 1999 года жена заявителя обратилась к следователю П. с просьбой о разрешении на свидание с мужем. 10 февраля ее просьба была отклонена со ссылкой на характер дела заявителя и тяжесть обвинений против него. Следователь считал свидание «нецелесообразным».

22 февраля 1999 года заявитель обратился к тому же следователю с просьбой о свидании с женой. 26 февраля ему было отказано, так как свидание было сочтено «нецелесообразным на данный момент».

10 марта 1999 года жена заявителя обратилась с жалобой на решение следователя в Генеральную прокуратуру. В письме от 30 марта 1999 года Главная военная прокуратура ответила, что в вопросе свиданий с родственниками следователь может полностью действовать по своему усмотрению, и в данном случае он действовал в рамках своих полномочий.

18 марта 1999 года заявитель написал жалобу в Главную военную прокуратуру. Он указал, в частности, что не видел своих родных более восьми месяцев и что следователь обещал ему разрешить свидание, если он отзовет свою жалобу в суд на незаконность содержания под стражей. 2 апреля 1999 года прокуратура ответила, что Следственному управлению ФСБ дано указание «решить вопрос» свидания.

5 апреля 1999 года заявитель обратился с просьбой разрешить свидание с дочерью и женой. Разрешение было дано только на свидание с дочерью и 9 апреля 1999 года она пришла к нему.

11 мая 1999 года заявитель обратился с просьбой разрешить свидание с женой. 24 мая 1999 года его жене разрешили свидание с ним.

ii. В последующие периоды

Заявитель не имел свиданий с родственниками с 3 марта по 5 сентября 2000 года.

25 июля 2001 года дочь заявителя обратилась с просьбой о свидании с отцом. Ей было отказано, поскольку 9 июня 2001 года она уже приходила к нему на свидание вместе с матерью, и это считалось как два свидания, а по закону можно только два свидания с родственниками в месяц.

26 июля 2001 года она обжаловала этот отказ в Московском городском суде и Генеральной прокуратуре, указывая *inter alia* на нарушение статьи 8 Конвенции. Через неделю она получила разрешение на свидание с заявителем.

В период с 7 декабря 2001 года по 10 января 2002 года разрешения на свидания не выдавались.

(d) Ограничения на общение с адвокатами и подготовку к защите

i. Ограничения на общение с адвокатами

Во время всего разбирательства дела адвокаты заявителя могли встречаться с ним только на основе одноразовых разрешений. На стадии предварительного следствия разрешения выдавал следователь Федеральной службы безопасности, ведший дело заявителя. Во время суда разрешения выдавал судья, ведший процесс.

26 апреля и 4 мая 2000 года одна из адвокатов заявителя г-жа Москаленко обратилась с просьбой в Верховный Суд Российской Федерации о выдаче разрешения на встречи с заявителем без ограничений. В обоих случаях секретарь давал ей разрешение только на «встречу». Однако, уступая требованиям г-жи Москаленко, каждый раз секретарь делал рукописные исправления, заменяя единственное число на множественное.

26 апреля 2000 года сотрудники изолятора «Лефортово» сочли выданный Верховным Судом документ за одноразовое разрешение, поскольку он содержал рукописные исправления и изначально в нем была указана одна встреча.

5 мая 2000 года г-жа Москаленко попыталась подать письменное заявление начальнику изолятора «Лефортово» с просьбой о разрешении на неограниченные встречи с заявителем. Сотрудники изолятора отказались принять ее заявление и сказали, что она не может встретиться с начальником изолятора.

В неуказанный день заместитель начальника изолятора «Лефортово» пришел к заведующему Юридической консультацией № 10, где работала г-жа Москаленко, и устно заявил, что г-жа Москаленко подделала разрешение на посещение заявителя, и угрожал возбуждением уголовного дела против нее. Г-жа Москаленко отвергла все эти заявления.

1 июня 2000 года Верховный Суд выдал г-же Москаленко разрешение на «встречи» с заявителем.

21 августа, 12 сентября и 17 октября 2001 года одна из адвокатов заявителя г-жа Костромина обращалась в суд первой инстанции с заявлениями о получении «многоразового» разрешения на встречи с заявителем. Во всех случаях ей было отказано. Такое разрешение на неограниченные встречи ей было выдано только 10 января 2002 года, после того, как приговор вступил в законную силу.

ii. Ограничения на доступ к материалам дела и записям

По словам заявителя, во время судебных слушаний его адвокаты были ограничены в пользовании их записями, сделанными в ходе предшествующих заседаний, и от них требовалось хранить эти записи в спецчасти суда. Более того, когда заявитель изучал материалы дела в здании Московского городского суда после окончания судебного разбирательства, его руку пристегивали наручником к столу или стулу. В результате он был вынужден сидеть в очень неудобной позе, и его пристегнутая рука через какое-то время немела. Более того, когда пристегивали правую руку, он не мог пользоваться ручкой и делать выписки. Время для изучения материалов дела определялось охранниками.

29 октября 2001 года заявитель направил в Московский городской суд жалобу на ненадлежащие условия подготовки к защите. Эта жалоба осталась без рассмотрения.

26 и 29 декабря 2001 года и 9 января 2002 года адвокаты заявителя обжаловали ненадлежащие условия ознакомления с материалами дела и ограничения на доступ к обвинительному заключению в своих кассационных жалобах.

iii. Другие помехи

25 сентября 2000 года сотрудники ФСБ установили «высокочастотное кодирующее устройство» на компьютер секретаря суда.

3 мая 2001 года на запрос заявителя о назначении устройства заместитель директора ФСБ ответил ему, что это устройство установлено для того, чтобы обеспечить секретность информации, содержащейся в компьютере секретаря суда.

(е) Подготовка жалобы в данный Суд

8 ноября 2000 года заявитель подписал доверенность Центру международной защиты на его представительство в Суде. Он обратился с просьбой к администрации изолятора заверить его подпись и передать доверенность жене.

После того, как администрация заверила доверенность, она была отправлена в Московский городской суд, который вернул ее 14 ноября 2000 года как «направленную в ненадлежащий адрес».

19 декабря 2000 года жена заявителя обратилась в Московский городской суд с просьбой выдать ей доверенность. В тот же день судья Коваль отказала ей без каких-либо объяснений.

9 января и 28 февраля 2001 года жена заявителя направила жалобы председателю Московского городского суда, который переправил ее жалобы для рассмотрения той же судье Коваль. 24 января 2001 года судья Коваль ответила жене заявителя, что доверенность ей не может быть выдана, «поскольку дела Валентина Моисеева в Европейском суде по правам человека нет».

12 и 15 февраля 2001 года жена заявителя направила жалобы на решение судьи Коваль в Прокуратуру г. Москвы и Квалификационную коллегия судей г. Москвы.

10 апреля 2001 года жена заявителя получила доверенность у судьи Коваль.

5. Заявления в связи с делом заявителя

10 июля 1988 года «Независимая газета» опубликовала статью о задержании заявителя. Соответствующий отрывок представляет собой следующее:

“...Как стало известно «НГ» из хорошо информированного южнокорейского источника, помимо арестованного органами ФСБ заместителя директора первого департамента Азии МИД РФ Валентина Моисеева, регулярные денежные вознаграждения получал от АПНБ еще ряд российских дипломатов...”

11 июля 1998 года та же газета опубликовала статью, содержащую следующее:

“ ...резидент южнокорейской разведки... принес извинения... ФСБ... за недавний шпионский инцидент, когда сотрудник АПНБ... был задержан во время агентурной встречи с заместителем директора первого департамента Азии МИД РФ Валентином Моисеевым...”

22 сентября 1998 года газета «Известия» написала следующее:

“...После задержания с поличным высокопоставленного сотрудника МИД РФ Валентина Моисеева, уличенного в шпионаже в пользу Южной Кореи...”

В июне 1999 года российское издательство «Гелиос» выпустило книгу г-на Елизарова *«Контрразведка: ФСБ против ведущих разведок мира»*. В книге говорится, что консультантом автора являлся официальный представитель ФСБ в то время г-н А.Зданович. Соответствующий отрывок представляет собой следующее:

“...Задержан был и заместитель директора первого департамента Азии МИД РФ Валентин Моисеев.* В течение 5-ти лет он исправно снабжал южнокорейскую разведку информацией конфиденциального... характера... Во время обыска на квартире... контрразведчики обнаружили гонорар в несколько тысяч долларов, который российский дипломат получил от корейцев за тайное сотрудничество с ними...”

9 июля 1999 года одна из основных российских ежедневных газет *«Комсомольская правда»* процитировала слова г-на Путина, в то время директора Федеральной службы безопасности и секретаря Совета безопасности Российской Федерации:

“...Мы ничего не делаем «ради конъюнктуры». Работаем, как говорится, только по факту. К слову, дело Моисеева – из разряда как раз таких случаев. И не важно, на какую разведку он работал – южнокорейскую или северокорейскую...”

2 августа 1999 года радио *«Эхо Москвы»* передало интервью с г-ном Здановичем:

ИМ (журналистка): «...Жена Моисеева говорит, что его увезли в Лефортово из квартиры и никакого задержания на улице** не было.

АЗ (Александр Зданович): Естественно, супруга..., наверное, пользуется тем, что граждане, может быть, забыли, что мы специально... показывали сюжет по телевидению с фактом задержания. Поэтому то, что из дома в Лефортово его увезли – ничего этого не было. Это действительно происходило на улице, в конкретном месте, в конкретное время, причем это время зафиксировано на пленке, эта пленка использовалась в ходе следствия...»

25 декабря 2001 года заявитель обратился с жалобой в прокуратуру в связи с этим интервью, потребовав проверить подлинность указанной видеопленки и утверждая, что интервью нарушило его презумпцию невиновности. 15 января 2002 года

* Цитирование не корректно. В тексте: «Задержан был и агент АПНБ (Агентства по планированию национальной безопасности) – заместитель директора первого департамента Азии МИД РФ Валентин Моисеев (прим. переводчика).

** Цитирование не корректно. В тексте интервью: «с поличным» (прим. переводчика).

прокуратура направила эту жалобу в Верховный Суд Российской Федерации. Жалоба осталась без ответа.

б. Лишение регистрации по месту жительства и административный надзор

В январе 2002 года после осуждения заявителя местное отделение милиции лишило его регистрации по месту жительства в квартире в Москве.

31 декабря 2002 года срок заключения заявителя истек и он был освобожден. Он утверждает, что для восстановления регистрации по месту жительства на него как бывшего преступника наложили трехлетний милицейский надзор.

Судебный иск заявителя в отношении предполагаемой незаконности этих мер в настоящее время рассматривается во внутренних судебных инстанциях.

В. Внутреннее законодательство по делу

Ответственность за разглашение государственной тайны

Резюме соответствующих положений российского законодательства в отношении государственной тайны см. в деле *Никитин против России* (Решение), № 50178/99, 13 Ноября 2003 года.

Судьи, имеющие специальный допуск к гостайне

Статья 21 закона «О государственной тайне» и статья 2 закона «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации» предусматривают дополнительные финансовые выплаты судьям, имеющим допуск к гостайне. Размер выплат зависит от степени допуска. Право устанавливать конкретные объемы выплат предоставлено исполнительной власти.

Содержание под стражей и сроки судебного разбирательства

Резюме соответствующих положений российского законодательства в отношении предварительного заключения и сроков судебного разбирательства см. в деле *Панченко против России* (Решение), № 45100/98, 16 марта 2004 года.

Взаимная правовая помощь между Россией и Республикой Корея

В соответствии с федеральным законом № 41-ФЗ от 16 апреля 2001 года «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Корея о взаимной правовой помощи по уголовным делам» данной соглашение вступило в силу 10 августа 2001 года.

С. Относящиеся к делу документы Совета Европы

В соответствующем разделе Заключения Парламентской Ассамблеи № 193 (1996 год) по поводу просьбы России о членстве в Совете Европы говорится следующее:

“10. Парламентская Ассамблея отмечает, что Российская Федерация полностью разделяет ее понимание и интерпретацию принимаемых на себя обязательств, как они изложены в параграфе 7, и намерена:

...xvii. «в течение 1 года после вступления пересмотреть закон о федеральных службах безопасности с тем, чтобы привести его в соответствие с принципами и стандартами Совета Европы; в частности, должно быть отменено право Федеральной Службы Безопасности (ФСБ) иметь в своем ведении и управлять центрами предварительного заключения”.

ЖАЛОБЫ

1. На основании статьи 3 Конвенции заявитель жалуется на бесчеловечные и унижающие достоинство условия содержания под стражей, транспортировки в суд и обратно, содержание в «каменном стакане» в здании суда. Он жалуется на недостаточную медицинскую помощь в заключении, на отказ властей позволить освидетельствование его здоровья группой независимых медицинских специалистов. Он утверждает, что сотрудники спецслужб снимали его на видео в тюремной камере и применяли опасное для его здоровья высокочастотное кодирующее устройство в зале суда. Он утверждает, что следователи запугивали его, угрожая привлечь к ответственности членов его семьи, что надзор за следствием по его уголовному делу осуществлялся субъективно предвзятым военным прокурором и что следственный изолятор управлялся российской спецслужбой, а не Министерством юстиции.

2. На основании статьи 5 § 1 (с) Конвенции заявитель жалуется на то, что его задержание в июле 1998 года было не оправдано, так как у следствия не было достаточных оснований полагать, что он скроется.

3. На основании статьи 5 §§ 2 и 3 Конвенции заявитель жалуется на то, что он был допрошен в качестве подозреваемого до того, как причины подозрений были ему объяснены, и что ему не было

сообщено о содержании обвинения против него до 13 июля 1998 года, когда обвинение ему было предъявлено официально.

4. На основании статьи 5 § 3 Конвенции заявитель жалуется на то, что он не был доставлен к прокурору, который санкционировал его задержание.

5. Заявитель утверждает, что чрезмерная длительность его содержания под стражей и неспособность национальных судов безотлагательно рассмотреть его ходатайства об освобождении противоречат статье 5 §§ 3 и 4 Конвенции. Он утверждает, что его жалобы на судебные определения о продлении его содержания под стражей были рассмотрены с превышением сроков, установленных внутренним законодательством, и что некоторые из них были рассмотрены только после вступления приговора в законную силу. На основании этой же статьи заявитель жалуется также на то, что власти отказали ему в условно-досрочном освобождении и что он не мог обжаловать это решение в судебном порядке.

6. На основании статьи 6 § 1 Конвенции заявитель жалуется на нарушения в ходе судебного разбирательства его дела. Во-первых, он утверждает о нарушении права на справедливое разбирательство в результате «очевидного неравенства сторон» и принятия неприемлемых доказательств. Во-вторых, судебные слушания проводились в закрытом режиме, хотя не было необходимости не допускать публику, когда не рассматривалась секретная информация. В-третьих, длительность судебного разбирательства была чрезмерной. В-четвертых, в состав суда входили так называемые «уполномоченные» судьи, которые имели доступ к секретной информации, и изначально предвзятый военный прокурор. Утверждается, что в состав суда в качестве народных заседателей входили бывшие сотрудники ФСБ. Наконец, суд первой инстанции не был «создан на основании закона», так как в соответствии с требованиями статьи 47 российской Конституции заявителя должен был судить суд присяжных.

7. На основании статьи 6 § 2 Конвенции заявитель жалуется на то, что средства массовой информации и многие государственные деятели нарушили презумпцию его невиновности, признав его виновным до вступления приговора в законную силу. На основании этой же статьи заявитель жалуется также на увольнение со своего поста в Министерстве иностранных дел 3 августа 1998 года.

8. На основании статьи 6 § 3 (а) Конвенции заявитель жалуется на то, что власти не уведомили его незамедлительно о характере и основании предъявленного обвинения после задержания 3 июля 1998 года.

9. На основании статьи 6 § 3 (b) Конвенции заявитель жалуется на отсутствие достаточных возможностей для подготовки своей

защиты. Он указывает на то, что его доступ к обвинительному заключению был крайне ограничен, что он мог знакомиться с материалами дела только со скованными руками, что его возможность готовиться к своей защите была ограничена вследствие общих условий содержания и транспортировки из следственного изолятора в суд.

10. На основании статьи 6 § 3 (с) Конвенции заявитель жалуется на то, что в период с 8 по 15 июля 1998 года следствие навязало ему непорядочного и предвзятого адвоката, который принуждал его к признанию вины. Кроме того, во время всего судебного разбирательства его общение с адвокатами было возможно только на основе разовых разрешений на встречу, а цензура его переписки нарушала конфиденциальность общения с адвокатами. Более того, ни он, ни его адвокаты не имели должного доступа к записям, которые делались во время судебного разбирательства.

11. На основании статьи 6 § 3 (d) Конвенции заявитель жалуется на то, что он не имел возможности допросить показывающих против него свидетелей и вызвать свидетелей в свою пользу.

12. На основании статьи 7 Конвенции заявитель жалуется на то, что закон в его деле был применен ретроактивно, поскольку во время совершения преступления не было перечня секретной информации, установленного законом. Заявитель также утверждает, что экспертиза, установившая секретность информации, была незаконна, поскольку основывалась на неопубликованных правовых актах.

13. На основании статьи 8 Конвенции заявитель утверждает, что ночной обыск его квартиры 3 июля 1998 года был незаконен и представлял собой произвол. Прослушивание телефонных разговоров и слежка за его личной жизнью с 1992 по 1994 год, в период его пребывания в Корее, были незаконны и нарушали его право на уважение частной жизни. Администрация изолятора осуществляла цензуру его переписки, и он не имел возможности свиданий с членами своей семьи. Что касается событий после освобождения, он жалуется на то, что милиция аннулировала его регистрацию по месту жительства в Москве и поставила его под трехлетний специальный милицейский надзор.

14. Наконец, заявитель жалуется на то, что с 8 ноября 2000 года по 10 апреля 2001 года суд не давал разрешения на выдачу его доверенности жене для направления жалобы в Суд.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. СТАТЬЯ 3 КОНВЕНЦИИ

На основании статьи 3 Конвенции заявитель жалуется на то, что условия содержания в изоляторе «Лефортово», условия транспортировки между изолятором и судом, условия содержания в Московском городском суде и поведение следователей и сотрудников изолятора представляли собой нарушения статьи 3, в которой говорится следующее:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

А. Условия содержания заявителя в СИЗО «Лефортово»

Заявитель жалуется, что условия его содержания в изоляторе «Лефортово» были бесчеловечными и унижающими достоинство. Он также утверждает, что медицинская помощь в изоляторе была недостаточной.

Аргументы сторон

Правительство утверждает, что расследование, проведенное Генеральной прокуратурой, не установило никаких нарушений прав заявителя на основании статьи 3 Конвенции, касающихся условий содержания в изоляторе «Лефортово». Оно также указало, что, по информации Федеральной службы безопасности Российской Федерации, заявитель не обращался с жалобами на условия содержания или незаконные действия со стороны администрации изолятора.

Заявитель признает, что условия содержания в «Лефортово» слегка лучше, чем в других изоляторах, но они все же не отвечают «гуманитарным стандартам». Он утверждает, что площадь камеры в расчете на одного заключенного была недостаточной, что туалет не обеспечивал уединения, что освещение было тусклым и что он вынужден был покупать пищевые продукты и средства личной гигиены в ларьке изолятора или получать от жены. Далее он утверждает, что его не осматривал врач-специалист, что никогда не было профилактических медицинских осмотров по выявлению возрастных и латентных заболеваний, а другие осмотры были формальными и поверхностными. Заявитель также жалуется на то, что подчиненность следственного изолятора «Лефортово» Федеральной службе безопасности противоречит принципам верховенства закона и отделения пенитенциарной системы от следственных органов, поскольку начальник следственного изолятора «Лефортово» был также

начальником следственного управления ФСБ. Что касается требования исчерпанности, заявитель указывает, что его жена и адвокаты неоднократно направляли жалобы на недостаточную медицинскую помощь в суды и надзирающим прокурорам.

Оценка Суда

В отношении исчерпанности внутренних средств правовой защиты Суд повторяет, что в соответствии со статьей 35 § 1 Конвенции должны быть использованы только те средства правовой защиты, которые относятся к предполагаемым нарушениям и которые в то же время имеются в наличии и достаточны. Существование таких средств правовой защиты должно быть достаточно проверенным не только в теории, но и на практике; они отсутствуют, когда у них нет требуемых доступности и эффективности (см. помимо прочего: *Akdivar and Others v. Turkey*, judgment of 16 September 1996, *Reports* 1996-IV, p. 1210, § 66; *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 75, ECHR 1999-V). Бремя доказывания ложится на правительство, которое должно убедить Суд, что средство правовой защиты было эффективным и имелось в наличии теоретически и практически в соответствующий период времени, иначе говоря, было доступным, было таким, которое могло обеспечить возмещение в отношении жалоб заявителя и предполагать разумную вероятность на успех (см.: *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 76, ECHR 1999-V; *Mifsud v. France* (dec.), no. 57220/00, § 15, ECHR 2002-VIII). Суд далее напоминает, что внутренние средства правовой защиты должны быть «эффективными» в смысле способности или предотвратить предполагаемое нарушение или его продолжение, или предоставить достаточное возмещение за любое нарушение, уже имевшее место (см.: *Kudła v. Poland* [GC], no. 30210/96, § 158, ECHR-XI).

В настоящем деле правительство не обозначило какое-либо конкретное средство правовой защиты, которое предположительно заявитель не исчерпал. Правительство также не показало, что возмещение могло бы быть предоставлено заявителю национальными властями, принимая во внимание, что проблемы, проистекающие из его предварительного заключения, были, как очевидно, системного характера и касались не только его (ср.: *Калашников против России* (Решение), № 47095/99, 18 сентября 2001 года). Суд поэтому находит, что настоящая жалоба не может быть отклонена в связи с неисчерпанностью внутренних средств правовой защиты.

В свете аргументов, представленных сторонами, Суд полагает, что эта часть жалобы затрагивает серьезные вопросы факта и права в соответствии с Конвенцией, установление которых требует рассмотрения по существу. В связи с этим Суд приходит к заключению, что настоящая жалоба не является необоснованной по

смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено.

В. Условия транспортировки заявителя в суд и обратно

Заявитель жалуется на то, что его транспортировали в тюремном фургоне в Московский городской суд в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях.

Аргументы сторон

Правительство утверждает, что заявителя всегда транспортировали отдельно в одиночной камере тюремного фургона по письменному требованию администрации изолятора для предотвращения его контактов с другими заключенными (копия требования Суду представлена не была). Заявителю выдавался сухой паек на все время транспортировки. По словам правительства, условия перевозки заявителя соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции. В любом случае, он никогда не жаловался на эти условия в Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Заявитель указывает, что его транспортировали в суд более 150-ти раз. Заявитель опровергает описание правительством условий транспортировки как не соответствующее фактическому: по его мнению, правительство описало эти условия так, как они должны быть в соответствии со всеми соответствующими правилами, а не как они были на самом деле. В противоположность утверждениям правительства, его обычно помещали в общую камеру вместе с другими заключенными, которых было до 18 человек, и они стояли или сидели на коленях друг у друга. Даже когда его помещали в крохотную одиночную камеру, он был вынужден делить ее с другим человеком, и они по очереди сидели друг у друга на коленях. Его никогда не перевозили отдельно и не могли изолировать от других заключенных из-за крайней переполненности фургона. В результате, на каждого заключенного, включая его самого, приходилось от 0,15 до 0,26 кв. м площади. Во время транспортировки заявителю никогда не давали никакого питания, и ему не давали возможности пользоваться туалетом. Вентиляция была недостаточной, и летом было очень душно. Зимой при неработающем двигателе отопления не было, а заявителя часами держали в ужасно холодном фургоне на сборных пунктах. Заявитель ссылается на выводы Суда в деле *Barberà, Messegue and Jabardo v. Spain* (judgment of 6 December 1988, Series A no. 146, § 70).

Оценка Суда

В отношении исчерпанности внутренних средств правовой защиты Суд отмечает заявление правительства о том, что заявитель должен был жаловаться на неудовлетворительные условия доставки в Министерство юстиции. Однако правительство не указало, какое возмещение он бы мог получить в результате такой жалобы. В любом случае Суд отмечает, что, направляя многократные жалобы на условия транспортировки в прокуратуру, администрацию изолятора и суд первой инстанции, заявитель в достаточной мере поставил российские власти в известность о существующих проблемах, дал им возможность изучить поставленные вопросы и, при необходимости, исправить ситуацию. Поэтому Суд приходит к заключению, что эта жалоба не может быть отклонена по причине неисчерпанности внутренних средств правовой защиты.

В свете аргументов, представленных сторонами, Суд полагает, что эта часть жалобы затрагивает серьезные вопросы факта и права в соответствии с Конвенцией, установление которых требует рассмотрения по существу. В связи с этим Суд приходит к заключению, что настоящая жалоба не является необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено.

С. Условия содержания заявителя в здании суда

Заявитель жалуется на то, что в нарушение статьи 3 Конвенции в конвойном помещении Московского городского суда его содержали в «каменном стакане».

Аргументы сторон

Правительство утверждает, что заявителя содержали одного в стандартной камере конвойного помещения Московского городского суда для предотвращения его контактов с другими подсудимыми. Кроме стандартных камер, никаких других камер или «каменных стаканов» в конвойном помещении суда не было. По мнению правительства, с точки зрения содержания заявителя в суде нарушения статьи 3 Конвенции не было.

Заявитель признает, что выражение «каменный стакан» было общепринятым названием камер в конвойном помещении суда, прозванных так потому, что их пол и стены были бетонными и высота почти в два раза превышала ширину и длину. Заявитель опровергает описание правительством условий содержания в суде как не соответствующее фактическому. Он никогда не был один в камере конвойного помещения, а периодически находился в ней с заключенными, больными туберкулезом. Камера была грязной, плохо

освещенной, слишком жаркой и не имела вентиляции. Он не получал никакого питания и не мог удовлетворять физиологические потребности. Во многих случаях он проводил до 15 часов в камере конвойного помещения без вызова для участия в судебном заседании. Он отмечает, что такие условия ни в коей мере не составляли исключение, а были вполне типичными для всех московских судов.

Оценка Суда

В свете аргументов, представленных сторонами, Суд полагает, что эта часть жалобы затрагивает серьезные вопросы факта и права в соответствии с Конвенцией, установление которых требует рассмотрения по существу. В связи с этим Суд приходит к заключению, что настоящая жалоба не является необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено.

D. Другие жалобы на основании статьи 3 Конвенции

Наконец, заявитель утверждает, что запугивание со стороны следователей, применение высокочастотного устройства в зале судебного заседания, применение видеокамеры для записи его в камере изолятора и надзор за следствием со стороны военного прокурора составляют бесчеловечное и унижающее достоинство обращение со стороны властей.

Суд напоминает, что требования абсолютной недопустимости бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, предусмотренные статьей 3, применимы, когда «достигнут минимальный уровень жестокости» (см.: *Price v. the United Kingdom*, no. 33394/96, § 24, ECHR 2001-VII). Хотя Суд не усматривает никаких причин сомневаться в утверждениях заявителя о том, что обжалуемые им обстоятельства являлись источником существенных терзаний для него, он считает, что они не могли причинить заявителю страдания или унижение такой степени, чтобы составлять «бесчеловечное или унижающее достоинство» обращение по смыслу статьи 3.

Отсюда следует, что эта часть жалобы не обоснована и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

II. СТАТЬЯ 5 КОНВЕНЦИИ

На основании статьи 5 §§ 1 (с), 2 и 3 Конвенции заявитель жалуется на то, что его задержание в июле 1998 года и заключение под

стражу не было «законным», потому что ему не было сообщено о подозрениях в отношении него, и потому что прокурор санкционировал задержание в его отсутствие. С привлечением статьи 5 §§ 3 и 4 Конвенции он жалуется на неразумно длительный период содержания под стражей и то, что национальные суды не рассмотрели «безотлагательно» его ходатайства об освобождении. На основании этих же статей он также жалуется на то, что власти отказались предоставить ему условно-досрочное освобождение. В соответствующих разделах статьи 5 говорится следующее:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным...”

А. Задержание и заключение под стражу в июле 1998 года

Заявитель жалуется на то, что его задержание и заключение под стражу не были осуществлены «в порядке, установленном законом», как требует статья 5 § 1 (с), а также составляли нарушение параграфов 2 и 3 этой статьи.

Аргументы сторон

Правительство утверждает, что 6 июля 1998 года заместитель Генерального прокурора санкционировал заключение под стражу заявителя. Копия этого постановления была предъявлена заявителю в

тот же день, и ему были также даны разъяснения о порядке его обжалования. Заявитель никогда его не обжаловал. В дальнейшем содержание заявителя под стражей продлевалось законным образом до 12 и 13 месяцев.

Заявитель настаивает на своем утверждении о незаконности его задержания и заключения под стражу в июле 1998 года. В отношении требования исчерпанности заявитель утверждает, что его адвокаты поднимали эти вопросы в своих кассационных жалобах от 15 июня 2000 года и 26 декабря 2001 года на приговоры суда первой инстанции.

Оценка суда

В связи с тем, что заявитель жалуется на основании статьи 5 §§ 1 (с), 2 и 3 на обстоятельства, связанные с его задержанием и заключением под стражу в июле 1998 года, Суд напоминает, что в соответствии со статьей 35 § 1 Конвенции он может рассматривать вопрос после исчерпания всех внутренних средств правовой защиты. Обычно заявитель должен обращаться к средствам правовой защиты, которые имеются в наличии и достаточны для того, чтобы предоставить возмещение за предполагаемые нарушения.

Суд отмечает, что действовавший в то время Уголовно-процессуальный кодекс предусматривал порядок обжалования в суде задержания и заключения под стражу. На основании обоснованного решения судья мог или отклонить жалобу, или отменить ордер на арест и освободить человека. Заявитель не оспаривает, что порядок направления подобной жалобы был ему разъяснен. Однако он не использовал этот порядок, и поэтому не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Этот вывод остается в силе даже при условии, что в дальнейшем по существу подобные же жалобы содержались в кассационных жалобах его адвокатов на приговор, поданных в Верховный Суд Российской Федерации. Суд приходит к заключению, что цель рассмотрения этих жалоб заключалась в том, чтобы вынести решение о виновности или невиновности заявителя, и сфера рассмотрения Верховным Судом была ограничена существом уголовных обвинений против него. В ходе этих заседаний Верховный Суд был неправомочен рассматривать или возмещать предполагаемые нарушения положений Конвенции, не относящихся к установлению уголовных обвинений против заявителя, и соответственно эти вопросы были сочтены как не относящиеся к делу и не нашли отражения в определении Верховного Суда.

Отсюда следует, что эта часть жалобы должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 1 и 4 Конвенции в связи с неисчерпанностью внутренних средств правовой защиты.

В. Длительность содержания под стражей

Заявитель полагает, что в нарушение статьи 5 § 3 ему было отказано в праве на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

Аргументы сторон

Правительство считает, что длительность содержания заявителя под стражей соответствовала Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР.

Заявитель утверждает, что, последовательно продлевая его непрерывное содержание под стражей, внутренние власти ссылались в общем на тяжесть преступления, в котором он обвинялся, и имеющуюся у него возможность скрыться или помешать установлению истины, не указывая на факторы, которые могли бы показать возможность этого в реальности. Не учитывалось, что у него имеются прочные социальные связи, постоянное место жительства в Москве, устойчивые семейные отношения, что нет уголовного прошлого и что его внутренний и дипломатический паспорт и накопления были изъяты. Заявитель считает, что приведенные основания были недостаточны для оправдания его содержания под стражей в течение более трех лет. Более того, национальные власти не проявили «особого прилежания» в проведении судебного разбирательства.

Оценка Суда

Вначале Суд отмечает, что заявитель был заключен под стражу 3 июля 1998 года, а приговор в отношении него был вынесен Московским городским судом 14 августа 2001 года. Суд далее напоминает, что ввиду неотъемлемой связи между статьей 5 § 3 Конвенции и параграфом 1 (с) этой статьи, лицо, осужденное судом первой инстанции, не может считаться содержащимся под стражей, «чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения», как указано в параграфе 1, а находится в ситуации, предусмотренной статьей 5 § 1 (а), которая разрешает лишение свободы «осужденного компетентным судом» (см.: *Kudła v. Poland* [GC], no. 30210/96, § 104, ECHR 2000-XI; *Barfuss v. the Czech Republic* (dec.), no. 35848/97, 7 September 1999). Соответственно содержание заявителя под стражей в период с 16 декабря 1999 года, даты вынесения первоначального приговора судом первой инстанции, до 25 июля 2000 года, даты, когда этот приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение, не может учитываться для целей статьи 5 § 3. Суд, следовательно, считает, что принимаемый во

внимание период состоит из двух отдельных отрезков времени, из которых первый длится с 3 июля 1998 года по 16 декабря 1999 года, а второй – с 25 июля 2000 года по 14 августа 2001 года, и составляет в целом два года, шесть месяцев и три дня.

В свете аргументов, представленных сторонами, Суд полагает, что жалоба на длительность содержания под стражей затрагивает серьезные вопросы факта и права в соответствии с Конвенцией, установление которых требует рассмотрения по существу. В связи с этим Суд приходит к заключению, что настоящая жалоба не является необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено.

С. Рассмотрение ходатайств заявителя об освобождении

На основании статьи 5 § 4 заявитель жалуется на то, что его частные жалобы на определения городского суда, отказывающие в удовлетворении его ходатайств об освобождении, не были «безотлагательно» рассмотрены Верховным Судом или не рассматривались вообще.

Аргументы сторон

Правительство указывает, что 14 января 1999 года адвокат заявителя направил в суд жалобу на содержание под стражей. На следующий день эта жалоба была получена Симоновским районным судом г. Москвы, который возвратил ее в Следственное управление ФСБ, потому что районные суды не имели возможности для работы с секретной информацией. 22 января 1999 года жалоба была направлена в Московский городской суд, который рассмотрел его шесть дней спустя. Все последующие жалобы были рассмотрены в сроки, установленные внутренним законодательством.

Правительство далее отмечает, что заявитель и его адвокат дважды направляли жалобы на содержание под стражей в Московский городской суд (даты не указаны). 1 февраля и 4 июня 1999 года их жалобы были отклонены на основании того, что заявитель обвинялся в особо тяжком преступлении и у него была реальная возможность скрыться или помешать правосудию.

Заявитель настаивает на своих жалобах. Он указывает, в частности, что Верховный Суд не рассмотрел по существу его жалобы на определения городского суда от 15 сентября и 1 декабря 2000 года и 16 апреля 2001 года, а его жалоба на определение городского суда от июля 2001 года была рассмотрена Верховным Судом только 26 сентября 2001 года, т.е. более чем через шесть недель после оглашения приговора.

Оценка Суда

(i) Суд отмечает, что он может рассматривать жалобу только в той мере, в какой она касается разбирательства дела после 1 мая 2000 года. Что касается более раннего разбирательства, то жалоба была подана более чем шесть месяцев спустя принятия окончательных решений в этом разбирательстве или обжалуемых событий (ср.: *Ilijkov v. Bulgaria*, no. 33977/96, Commission decision of 20 October 1997), и эта часть жалобы представлена несвоевременно и должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

(ii) В той мере, в которой жалоба заявителя на основании статьи 5 § 4 касается его жалоб на содержание под стражей от 15 сентября и 1 декабря 2000 года и 16 апреля 2001 года, а также трех его жалоб в июле 2001 года, в свете аргументов, представленных сторонами, Суд полагает, что она затрагивает серьезные вопросы факта и права в соответствии с Конвенцией, установление которых требует рассмотрения по существу. В связи с этим Суд приходит к заключению, что настоящая жалоба не является необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено.

D. Обращение об условно-досрочном освобождении

Наконец, заявитель жалуется на то, что национальные власти отклонили его обращение об условно-досрочном освобождении.

Суд напоминает, что в Конвенции не оговаривается право на условно-досрочное освобождение как таковое и она не требует, чтобы решение о досрочном освобождении принималось судом или было предметом рассмотрения суда. Наказание, предусматривающее лишение свободы, которому должен подвергнуться преступник на срок, определенный решением суда, с самого начала обосновано приговором суда первой инстанции и рассмотрением кассационных жалоб на него (см. среди последних решений: *Jankauskas v. Lithuania* (dec.), no. 59304/00, 16 December 2003).

Отсюда следует, что эта жалоба не обоснована и должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

III. СТАТЬЯ 6 КОНВЕНЦИИ

Заявитель обращается с рядом жалоб на основании статьи 6 Конвенции, касающихся разбирательства дела против него. В соответствующих разделах статьи 6 говорится следующее:

“1. Каждый ...при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться в судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе...

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

a) быть незамедлительно и подробно уведомленным... о характере и основании предъявленного ему обвинения;

b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника...

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него...”

А. Независимость и беспристрастность суда

Заявитель жалуется на то, что суд не был независимым и беспристрастным, поскольку в его состав входили судьи, имеющие допуск к гостайне, выданный тем же органом, который действовал в интересах обвинения, т.е. Федеральной службой безопасности. Кроме того, был военный, а не гражданский (государственный) прокурор, а народные заседатели были предположительно бывшими сотрудниками ФСБ. Заявитель указал, что состав суда много раз менялся без каких-либо оснований. Он утверждает, что судья Губанова была отстранена от слушаний потому, что готова была оправдать его. В действительности она совсем не была больна и вернулась на работу уже неделю спустя.

Аргументы сторон

(а) Специальные требования к профессиональным судьям и народным заседателям

Правительство утверждает, что внутреннее законодательство не предъявляет каких-либо специальных требований к составу суда при слушании уголовных дел, связанных с секретной информацией. В соответствии со статьей 21-1 закона «О государственной тайне»,

судьи, участвующие в слушании уголовных дел, связанных с секретной информацией, имеют допуск к такой информации без проверочных мероприятий. Они должны, однако, дать подписку о неразглашении секретной информации и предупреждаются о привлечении к ответственности в случае ее разглашения. Такая же подписка должна быть дана народными заседателями, участвующими в слушаниях. Председательствующий судья отбирает народных заседателей для конкретных слушаний по жребию. Правительство делает вывод, что в деле заявителя суд первой инстанции был сформирован в обычном порядке, и поэтому не может считаться пристрастным или недостаточно объективным.

Заявитель утверждает, что проверочные мероприятия в отношении лиц, имеющих допуск к информации особой важности и совершенно секретной информации, осуществляются Федеральной службой безопасности в сотрудничестве с органами расследования (Постановление правительства № 1050 от 28 октября 1995 года). Он выделяет признание правительством того, что судьи (как профессиональные, так и заседатели) без допуска к гостайне могут слушать дело, связанное с секретной информацией, дав подписку о ее неразглашении. Однако в материалах его дела имеются только подписки народных заседателей, и нет подписок судей (или судьи). Из этого он делает вывод, что судьи должны были иметь постоянный допуск к секретной информации, выданный Федеральной службой безопасности, и что в состав суда при слушании его дела входили так называемые «уполномоченные» судьи (или судья) и суд не был сформирован «в обычном порядке», как утверждает правительство. Кроме того, он указывает, что судьи, имеющие допуск к секретной информации, по закону получают такие денежные надбавки, как повышение заработной платы от 10 до 25 процентов в зависимости от формы допуска.

(b) Изменения состава суда

Правительство утверждает, что судья Губанова, которая начала слушание дела 5 сентября 2000 года, после того, как судебные заседания дважды откладывались, была заменена по причине ее болезни. 29 ноября 2000 года слушать дело была назначена судья Коваль, так как судья Губанова была госпитализирована. В соответствии с имеющимися медицинскими справками, судья Губанова болела с 15 ноября 2000 года до 18 января 2001 года. Правительство заявило, что не может дать пояснения последующим изменениям состава суда, поскольку протокол судебного заседания не указывает на их причины.

Заявитель утверждает, что в ходе второго слушания дела состав суда менялся шесть раз, включая четыре замены

председательствующего судьи и две замены народных заседателей (при судьях Губановой и Комаровой). В отношении судьи Губановой заявитель утверждает, что она провела 28 судебных заседаний в период с 12 сентября по 13 ноября 2000 года. После того, как все свидетели были выслушаны и все доказательства изучены, и суд был готов заслушать последнее слово подсудимого и удалиться на совещание, судья Губанова была отстранена от слушаний под предлогом ее болезни. Однако 7 и 8 декабря 2000 года адвокаты заявителя встретили ее в здании суда и разговаривали с ней; при этом она выглядела абсолютно здоровой. Более того, 19 декабря 2000 года она подписала протокол судебного заседания, и этот факт также опровергает версию о ее стойкой неспособности выполнять свои обязанности. Заявитель утверждает, что судья Губанова была отстранена без каких-либо правовых оснований в соответствии с (устным) указанием председателя Московского городского суда судье Коваль от 24 ноября 2000 года.

Далее заявитель утверждает, что суд под председательством судьи Коваль провел 22 заседания в период с 29 ноября 2000 года по 10 апреля 2001 года. 10 апреля 2001 года слушания были отложены до 13 июня 2001 года. Однако судья Коваль никогда больше не возобновила слушания, поскольку в неизвестный день и без видимых причин дело было передано судье Медведеву. В то же время судья Коваль вела слушания другого дела в соседнем зале. Суд под председательством судьи Медведева длился только один день, а затем был отложен на неопределенное время. Наконец, 20 июля 2001 года в дело вступила судья Комарова, заменив судью Медведева, но 31 июля 2001 года слушания пришлось начать *de novo* из-за замены народного заседателя.

Заявитель утверждает, что в российском законодательстве нет положений, регулирующих распределение дел между судьями. Выбор и замена судей являются личной прерогативой председателя суда, и он юридически не обязан приводить основания для замен. С другой стороны, судьи полностью зависят от председателя в том, что касается карьерного продвижения и дополнительных льгот, и не желают конфликтовать с председателем. В деле заявителя замены в составе суда всегда проводились неожиданно и без приведения оснований. По мнению заявителя, такие произвольные замены были мотивированы стремлением властей добиться приговора от «послушного» состава суда, и поэтому суд первой инстанции не был беспристрастным и независимым.

Оценка Суда

В свете аргументов, представленных сторонами, Суд полагает, что эта жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права в соответствии с Конвенцией, установление которых требует рассмотрения по существу. В связи с этим Суд приходит к заключению, что настоящая жалоба не является необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено.

В. Длительность разбирательства

Заявитель жалуется на то, что длительность разбирательства его дела была чрезмерной.

Аргументы сторон

Правительство утверждает, что не было периодов бездействия по вине судебных властей. Московский городской суд предпринял меры для тщательного и всестороннего рассмотрения дела, и все задержки были объективно оправданы. Заявитель часто выступал с одинаковыми ходатайствами, например, об отводе председательствующего и всего состава суда, об отводе прокурора, о назначении общественных защитников, о привлечении дополнительных доказательств и т.д. Рассмотрение его ходатайств занимало много времени. Определенное время было также необходимо на изучение замечаний заявителя на протокол судебного заседания и на обмен кассационной жалобой и протестом между сторонами. Правительство уверено, что в деле заявителя со стороны суда первой инстанции не было преднамеренного затягивания.

Заявитель не согласен. Он утверждает, что по внутреннему законодательству предварительное следствие не должно длиться более шести месяцев, если нет исключительных обстоятельств. Несмотря на то, что на такие обстоятельства не указывалось в постановлениях о продлении предварительного следствия, оно длилось с 3 июля 1998 года по 2 августа 1999 года, т.е. один год и 29 дней. Первое заседание суда состоялось только 11 октября 1999 года, т.е. через 48 дней после того, как суд его назначил на 7 сентября 1999 года, а заседание 7 сентября 1999 года не состоялось потому, что судья ушла в «очередной отпуск». 25 апреля 2000 года слушание кассационной жалобы было отложено на полтора месяца по просьбе адвоката заявителя г-жи Москаленко. Тем не менее, национальным властям потребовалось почти семь месяцев для рассмотрения его первой кассационной жалобы. В случае со второй кассационной жалобой, материалы дела были направлены из городского суда в Верховный Суд почти через четыре месяца после оглашения

приговора, и рассмотрение второй кассационной жалобы длилось пять месяцев.

Заявитель уверен, что затягивание разбирательства в значительной степени вызвано произвольными заменами состава суда, поскольку каждая замена председательствующего судьи или народного заседателя требовала рассмотрения дела *de novo*. Основываясь на данных Суда по делу *Pijkov v. Bulgaria* (no. 33977/96, § 116, 26 July 2001), он отмечает, что затяжки, вызванной заменой народного заседателя 31 июля 2001 года можно было бы избежать, если бы суд назначил 20 июля 2001 года запасного народного заседателя, как предлагала его защита.

Заявитель указывает, что дело не было сложным, поскольку последнему составу суда потребовалось только девять заседаний в течение двух недель для того, чтобы вынести приговор. Что касается его отводов и ходатайств, то он ссылается на мнение Суда о том, что «нельзя порицать лиц, обвиненных в уголовном преступлении, за просьбы к суду... исследовать конкретные вопросы» (*Reinhardt and Slimane-Kaïd v. France*, judgment of 31 March 1998, Reports of Judgments and Decisions 1998-II, § 99). Заявитель также утверждает, что 10 апреля 2001 года он возражал против откладывания судебного заседания до 13 июня 2001 года для перевода документов с корейского языка, поскольку, по его мнению, такое время было чрезмерным для перевода всего 50 страниц.

Оценка Суда

Суд отмечает, что разбирательство дела заявителя длилось с 3 июля 1998 года по 9 января 2002 года, т.е. в целом три года, шесть месяцев и шесть дней. В свете критериев, установленных его судебными прецедентами по вопросу о «разумном сроке», и рассмотрения имеющихся в его распоряжении материалов, он считает, что требуется рассмотрение этой жалобы по существу.

С. Отсутствие открытого разбирательства

Заявитель жалуется на то, что слушание его дело не было открытым.

Суд напоминает, что статья 6 § 1 Конвенции допускает возможность не допускать прессу и публику в судебное заседание, в частности, «по соображениям... национальной безопасности». Российское законодательство содержит подобную же норму: статья 18 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР предусматривает открытое разбирательство всех дел «за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны».

Суд полагает – и это не оспаривалось сторонами, – что ключевым вопросом судебного разбирательства было определение вопроса, передавал ли заявитель определенную информацию агенту иностранного государства и содержала ли эта информация государственную тайну. С учетом этих обстоятельств Суд считает, что недопущение прессы и публики было необходимо для предотвращения дальнейшего разглашения секретной информации и что проведение разбирательства *in camera* было оправданным.

Отсюда следует, что эта жалоба не обоснована и должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

Д.Слушание судом присяжных

Заявитель жалуется на то, что слушание его дела не велось судом присяжных, хотя для подобных дел такая возможность предусматривалась внутренним законодательством, в частности, статьей 47 российской Конституции.

Суд напоминает, что если даже в некоторых государствах-участниках Конвенции судебное разбирательство судом присяжных является важным элементом обеспечения справедливости системы уголовного правосудия, то это не является существенным аспектом справедливого судебного разбирательства при определении уголовного обвинения по смыслу статьи 6 § 1 Конвенции (см.: *Callaghan and Others v. UK*, no. 14739/89, Commission decision of 9 May 1989, Decisions and Reports (DR) 60, p. 296). Поэтому право на судебное разбирательство судом присяжных не может базироваться только на положениях Конвенции или судебных прецедентах органов Конвенции.

В отношении утверждения заявителя о том, что право на судебное разбирательство судом присяжных было гарантировано национальным законодательством, Суд отмечает, что статья 47 § 2 российской Конституции действительно предоставляет каждому обвиненному в уголовном преступлении право на судебное разбирательство судом присяжных на условиях, предусмотренных федеральным законом. Однако в рассматриваемый период соответствующие разделы статьи 47 еще не вступили полностью в силу, и применялась прежняя система судопроизводства (см.: *Климентьев против России* (Решение), № 46503/99, 17 сентября 2002 года). Поэтому было невозможно воспользоваться этим правом на основе национального законодательства также.

Отсюда следует, что эта жалоба не обоснована и должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

Е. Презумпция невиновности

Заявитель жалуется на то, что процитированные выше публикации нарушили презумпцию его невиновности, поскольку государственные официальные лица объявили его виновным до окончания суда. В этой связи он также жалуется на приказ о его увольнении из Министерства иностранных дел.

В самом начале Суд отмечает, что объем этой жалобы, содержащийся в кассационной жалобе, был существенно меньше, чем в его жалобе в Суд. В частности, в кассационной жалобе он не упоминал об интервью г-на Путина газете «Комсомольская правда», на которое он делает упор в своей жалобе в Суд. Даже допуская в пользу заявителя, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты, жалоба в любом случае является неприемлемой по следующим причинам.

В начале Суд напоминает, что статья 6 § 2 запрещает преждевременное выражение самим судом мнения о том, что лицо, обвиненное в уголовном преступлении, является виновным до того, как это будет установлено законным порядком, но это также относится и к заявлениям других государственных официальных лиц о незавершенных уголовных расследованиях, которые подталкивают общественность к тому, чтобы считать подозреваемого виновным, и предвосхищают оценку фактов компетентным судебным органом (*Alenet de Ribemont v. France*, judgment of 10 February 1995, Series A no. 308, § 41). Суд далее отмечает как общепризнанный факт, что суды не могут действовать в вакууме. Хотя суды являются форумом для определения виновности или невиновности лица в связи с обвинением в уголовном преступлении, это не означает, что нигде в другом месте не может быть до них или во время их проведения обсуждения предмета судебных разбирательств, будь то в специализированных журналах, в обычной прессе или публикой в целом. Если не преступается грань, установленная в интересах должного отправления правосудия, репортажи, включая комментарии, о судебном разбирательстве, способствуют их публичности. Не только средства массовой информации имеют задачу распространять такую информацию и идеи, но и общественность имеет право получать их (см.: *Pullicino v. Malta* (dec.), no. 45441/99, 15 June 2000).

Что касается публикаций от 10 и 11 июля 1998 года в «Независимой газете», то их формулировки предполагают, что они основаны на информации, полученной из неназванных южнокорейских источников. Более того, вторая публикация относится к обстоятельствам задержания заявителя в понимании сотрудников южнокорейской разведслужбы. Утверждения, опубликованные в газете «Известия» 22 сентября 1998 года, принадлежат самому

журналисту. Суд отмечает, что ни одна из вышеуказанных публикаций не ссылается на заявления, которые могли бы быть приписаны российским государственным официальным лицам.

Что касается жалобы заявителя, касающейся книги, написанной г-ном Елизаровым и опубликованной в июне 1999 года, Суд отмечает, что ее автором является журналист, а не государственный деятель. Хотя в предисловии к книге и указано, что официальный представитель ФСБ выступал как консультант, невозможно определить, в какой степени обсуждаемые заявления отражают официальную позицию Федеральной службы безопасности, или же они отражают точку зрения самого автора. В любом случае маловероятно, что рассматриваемая книга – типичный пример легкого чтения, могла бы повлиять на судей суда первой инстанции.

Соответствует истине тот факт, что г-н Путин вскользь упомянул о деле заявителя в своем интервью от 9 июля 1999 года. Хотя это упоминание действительно может быть истолковано как голословное утверждение о том, что заявитель работал на иностранную разведслужбу, похоже, что оно сознательно не имеет завершенности в ожидании результатов предстоящего судебного разбирательства. Суд считает, что нет оснований предполагать, что г-н Путин предвосхитил оценку фактов судебными властями.

В отношении интервью 2 августа 1999 года Суд отмечает, что оно касалось только разногласий относительно точного места задержания заявителя и не содержало заявлений, которые могли бы быть истолкованы как утверждение о виновности заявителя.*

Наконец, в связи с жалобой, касающейся предвзятости, предположительно вытекающей из приказа об увольнении Министерства иностранных дел, Суд напоминает, что увольнение в связи с подозрением в совершении уголовного преступления правительственным чиновником не связано с определением уголовного обвинения и не является нарушением принципа презумпции невиновности, этот вопрос относится к трудоустройству и трудовым отношениям, а не к контексту реального уголовного разбирательства (*Isaacs v. the United Kingdom* (dec.), no. 22393/93, 1 December 1993).

С учетом вышеуказанных соображений, Суд не может прийти к заключению, что рассматриваемые публикации могли бы нанести какой-либо непоправимый вред защите заявителя или каким-либо другим способом уменьшить его шансы на справедливое судебное разбирательство.

Отсюда следует, что эта жалоба не обоснована и должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

* См. сноску на стр. 20 (прим. переводчика).

Ф. Уведомление об обвинении

На основании статьи 6 § 3 (а) заявитель жалуется на то, что в июле 1998 года он не был уведомлен о характере и основании предъявленного ему обвинения в сроки, предусмотренные внутренним законодательством.

Суд напоминает, что справедливость разбирательства должна оцениваться с точки зрения разбирательства в целом. В уголовных делах полная и подробная информация о предъявленных обвинениях обвиняемому является существенным условием обеспечения справедливости разбирательства. В этой связи необходимо отметить, что статья 6 § 3 (а) не устанавливает какого-либо специального формального требования к тому, каким способом обвиняемый должен быть уведомлен о характере и основании предъявленного ему обвинения. Подпункты (а) и (b) статьи 6 § 3 связаны, и право быть уведомленным о характере и основании предъявленного обвинения должно рассматриваться в свете права обвиняемого на подготовку своей защиты (*Pélissier and Sassi v. France* [GC], no. 25444/94, § 51, ECHR 1999-II).

Суд отмечает, что заявителю было официально предъявлено обвинение в государственной измене 13 июля 1998 года. Не было представлено убедительных аргументов о том, что в предъявленном обвинении отсутствовала достаточно точная информация, относящаяся к основным составляющим обвинения против заявителя, а именно: даты, места, суть действий, или не были указаны соответствующие сущностные статьи Уголовного кодекса. Нельзя также утверждать, что заявитель был не в состоянии понять выдвинутые против него обвинения. В отношении требования о «незамедлительности» Суд считает, что внутренние сроки не могут играть решающую роль в определении соответствия этому требованию. Здесь важно то, была ли необходимая информация предоставлена достаточно быстро для того, чтобы дать заявителю достаточно времени для подготовки своей защиты, – реализации права, предусмотренного статьей 6 § 3 (b). Суд отмечает, что информация о предъявленном обвинении была представлена вниманию заявителя через десять дней после его задержания и, по крайней мере, за год до начала судебного разбирательства. Можно полагать, что этого времени было достаточно, чтобы удовлетворять требованиям статьи 6 § 3 (а).

Отсюда следует, что, в той мере, в какой настоящая жалоба отличается от рассматриваемой ниже жалобы на основании статьи 6 § 3 (b), она не обоснована и должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

Г. Подготовка защиты

На основании статьи 6 § 3 (b) и (c) заявитель жалуется на то, что у него не было достаточной возможности для подготовки своей защиты, потому что ему не была выдана копия обвинительного заключения и он мог получать его только по распоряжению следователя и потому что при ознакомлении с материалами дела в Московском городском суде его руки привязывались наручниками и он не мог делать выписки, когда была привязана его правая рука. Он утверждает, что ужасные условия его содержания, транспортировки в суд и содержания в Московском городском суде серьезно ухудшали его способность сконцентрироваться на подготовке своей защиты. Заявитель утверждает, что в период с 6 по 15 июля 1998 года он подвергался давлению со стороны бесчестного адвоката, навязанного следователем, с целью признания своей вины и что в ходе всего разбирательства его адвокаты должны были получать специальные разрешения для встречи с ним и обмен документами с ними можно было осуществлять только через администрацию изолятора. Наконец, заявитель жалуется на то, что ни он, ни его адвокаты не имели доступа к своим записям, сделанным в ходе судебного заседания, которые хранились в суде.

Аргументы сторон

(a) Доступ к обвинительному заключению

Правительство утверждает, что обвинительное заключение было вручено заявителю 25 августа 1999 года и он расписался за его получение. Заявитель мог иметь доступ к обвинительному заключению во время судебных заседаний и в изоляторе. Однако в его просьбе дать копию обвинительного заключения с собой в камеру ему было отказано, поскольку оно содержало секретную информацию.

Заявитель не оспаривает, что ему было разрешено прочесть обвинительное заключение. Однако он утверждает, что никогда не имел его в своем распоряжении. Обвинительное заключение хранилось в спецчасти изолятора как совершенно секретный документ, и заявитель имел доступ к нему с письменного разрешения администрации изолятора. Ему также разрешалось делать выписки в специальную совершенно секретную тетрадь, которая хранилась вместе с обвинительным заключением. Его адвокаты имели доступ к обвинительному заключению только во время судебных заседаний.

(b) Правовое представительство

Правительство утверждает, что защита заявителя была поручена четырем адвокатам по его собственному выбору. Это были г-да

Ю.Гервис и А.Яблоков и г-жи К.Москаленко и К.Костромина. Они могли встречаться с заявителем в изоляторе без всяких ограничений количества встреч и их продолжительности. Не имеется информации, свидетельствующей о том, что Московский городской суд препятствовал заявителю в общении с его адвокатами, поскольку он не накладывал никаких ограничений на количество встреч и выдавал разрешения на них каждый раз, когда они запрашивались, за исключением одного случая: 23 мая 2001 года г-же Москаленко было отказано в разрешении, так как она не представила ордер юридической консультации на защиту интересов заявителя.

Заявитель утверждает, что он не имел достаточной правовой помощи до 15 июля 1998 года, когда пригласил в качестве адвоката г-на Гервиса. Он утверждает, что г-н Коновал (назначенный его адвокатом 8 июля 1998 года) был приятелем следователя по военной академии и что он побуждал его признать вину и оговорить себя. Более того, г-н Коновал ни в коем случае не был «бесплатным» адвокатом, поскольку жену заявителя просил заплатить за его услуги, чего она не сделала.

Заявитель утверждает, что во время предварительного следствия его адвокаты должны были получать разрешение ФСБ, т.е. органа обвинения, на каждую встречу с ним. Администрация изолятора «Лефортово» отказывалось признавать законность «многократных» разрешений, полученных г-жой Москаленко 26 апреля и 4 мая 2000 года в Верховном Суде и угрожала привлечь ее к ответственности за подделку документов. Во время судебного разбирательства судья также выдавала разрешения только на одну встречу. Судья отказала в трех обращениях г-жи Костроминой о получении разрешения на встречи без ограничений, которое было выдано только 10 января 2002 года, т.е. после того, как приговор вступил в законную силу. Заявитель указывает, что он мог получать документы от своих адвокатов и передавать им свои документы только с письменного разрешения администрации изолятора «Лефортово». Он отмечает, что в Специальном докладе уполномоченного по правам человека Российской Федерации «О выполнении Россией обязательств, взятых при вступлении в Совет Европы» осуждается практика выдачи специальных разрешений на каждую встречу с лицом, содержащимся в изоляторе «Лефортово», который находится в ведении Федеральной службы безопасности, как противоречащая российскому закону «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» (Москва, 2002, стр.19-20).

(с) Обмен документами и переписка

Правительство утверждает, что жалобы заявителя прокурорам, в суды и другие государственные органы не подвергались цензуре и

безотлагательно направлялись администрацией изолятора адресатам. Однако переписка заявителя с адвокатами подвергалась обязательной цензуре администрацией изолятора в соответствии со статьей 20 закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления».

Заявитель вновь утверждает, что любой обмен документами между ним и его адвокатами был возможен только через администрацию изолятора и по ее письменному разрешению. Прежде чем передать, администрация изучала документы.

(d) Применение наручников и условия подготовки защиты

Правительство утверждает, что наручники на заявителя надевались только тогда, когда его вели из конвойного помещения Московского городского суда в зал судебного заседания, где помещали за металлическую решетку. Во время судебного заседания наручники снимались.

Заявитель настаивает, что условия его транспортировки в суд и содержания в конвойном помещении были изнурительными и воздействовали на его физические и умственные способности. Постоянное напряжение, накапливающаяся усталость, недоедание и недосыпание значительно снижали его способность действительно защищать себя. Во время судебных заседаний его держали в металлической клетке из толстых металлических прутьев с замком на входе и охраной из двух вооруженных конвоиров. В этой связи он цитирует Руководство по справедливому судопроизводству организации Amnesty International: «Особое внимание следует уделять тому, чтобы обвиняемый не имел на себе никаких внешних признаков его виновности во время судебного процесса. К этим признакам могут относиться: содержание обвиняемого в клетке в зале суда...» (Лондон, 1998, стр. 88).^{*} Более того, после заседания он мог знакомиться с материалами дела только в скрюченной позе, поскольку его за руку пристегивали к столу или стулу. Он не мог делать выписки, когда его пристегивали за правую руку.

• Русское издание: Москва, 2003, стр. 94-95.

Цитирование некорректно. Полностью цитируемый отрывок выглядит следующим образом: «Особое внимание следует уделять тому, чтобы обвиняемый не имел на себе никаких внешних признаков его виновности во время судебного процесса, что могло бы повлиять на презумпцию невиновности. К...» (прим. переводчика).

(е) Доступ к материалам дела и записям, сделанным в ходе судебных заседаний

Правительство не комментирует эту часть жалобы.

Заявитель утверждает, что ему было отказано в доступе к оригиналам некоторых документов на корейском языке, хотя в материалах дела имелись только их едва читаемые копии. От его адвокатов требовали все связанные с делом материалы, записи, сделанные в ходе судебных заседаний, и копии жалоб хранить в спецчасти Московского городского суда под предлогом того, что все эти документы были «совершенно секретными». Они не имели неограниченного доступа к этим материалам.

Оценка Суда

В свете аргументов, представленных сторонами, Суд полагает, что эта жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права в соответствии с Конвенцией, установление которых требует рассмотрения по существу. В связи с этим Суд приходит к заключению, что настоящая жалоба не является необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено.

Н. Допрос свидетелей

На основании статьи 6 § 3 (d) заявитель жалуется на то, что национальные суды отказались вызвать и допросить дополнительных свидетелей, переводчиков и экспертов.

Аргументы сторон

Правительство утверждает, что заявитель и его адвокаты участвовали в судебных заседаниях и могли задавать вопросы свидетелям. Оно далее указывает, что некоторые (неуказанные) свидетели, перечисленные в приложении к обвинительному заключению, не вызвались в суд «по объективным причинам (длительные зарубежные командировки, ухудшение здоровья и т.д.)». Их показания на предварительном следствии зачитывались в соответствии со статьей 286 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Суд также допросил дополнительных (неуказанных) свидетелей по ходатайству заявителя.

Заявитель оспаривает это, заявляя, что следующие свидетели не были вызваны и допрошены в суде: г-н Л.М., г-н Ир., г-н (или г-жа)* Ма., г-н Ка., г-н (или г-жа) Н., г-н (или г-жа) П., г-жа Т., г-жа Н.В., г-н (или г-жа) Е., г-н Ко., г-н Ч., г-н Ал., а также два неназванных эксперта из «двух экспертных групп». Он утверждает, что из этих свидетелей он ходатайствовал о допросе в суде г-на (или г-жу) П., г-жу Т., г-на Ч. и г-на Ал., а также двух неназванных экспертов.

Заявитель утверждает, что он несколько раз ходатайствовал о допросе агента АПНБ г-на Ч. Его первое ходатайство было отклонено на основании того, что между Россией и Республикой Корея нет договора о взаимной правовой помощи. После того, как его защита представила российский закон о ратификации такого договора, суд отклонил его новое ходатайство как необоснованное. По словам заявителя, видеозапись допроса г-на Ч. следователем ФСБ, имеющаяся в материалах дела, доказывала его невиновность, поскольку г-н Ч. отрицал, что получал документы от заявителя и платил ему деньги.

Что касается экспертов, то заявитель признает, что во время предварительного следствия специалист по корейским вопросам г-н Г. был по его ходатайству включен в экспертную группу. Однако во время второго судебного разбирательства суд отказался удовлетворить его ходатайство о проведении новой экспертизы секретности переданных материалов и вызвать г-на Г. в суд для допроса.

Заявитель утверждает, что суд не допросил г-на Ко. и г-на (или г-жу) Е., с которыми он прежде работал в российском посольстве в Сеуле и которые бы могли опровергнуть «клеветнические утверждения о его жизни и поведении в Сеуле», г-на Л.М., руководителя заявителя по службе, который был допрошен несколькими судами, но не судом последнего состава, а также г-на (или г-жу) П. и г-жу Т., которые присутствовали при обыске квартиры заявителя 3 июля 1998 года. Суд не вызвал г-на Ал., который переводил разведывательную информацию, касающуюся заявителя, с корейского языка, но никаких документов, подтверждающих его профессиональные знания, суду представлены не были.

Заявитель утверждает, что суд не допросил г-на Ка., который был в служебной командировке в Лондоне, и г-на И., ссылаясь на его плохое здоровье. В другом месте заявитель говорит, что из-за зарубежной командировки не был допрошен г-н (или г-жа) Ма. Он жалуется, что суд опирался на показания этих свидетелей во время предварительного следствия, чтобы установить, что заявителю должно было быть известно о том, что г-н Ч. работал на южнокорейскую разведку.

* Заявитель часто не указывал, мужчиной или женщиной является свидетель. Предположения делаются в случаях, когда у свидетеля типично женская русская фамилия

Оценка Суда

(a) В самом начале Суд отмечает, что утверждения заявителя непоследовательны и не четки. В частности, он не указал в отношении каждого свидетеля, является ли он свидетелем обвинения или защиты, и не был ли свидетель вообще не вызван в суд или только в суд последнего состава. Анализ Суда был также затруднен тем, что заявитель постоянно не указывал имена и отчества свидетелей в то время, как в приговорах они называются только по инициалам, а фамилий, указанных заявителем, было недостаточно для их четкой идентификации. Соответственно, суд будет вынужден исходить из имеющейся информации и делать некоторые допущения.

Суд повторяет, что, как правило, оценка доказательств и относимость доказательств, которые подсудимые стремятся представить, находятся в компетенции национальных судов. Статья 6 § 3 (d), опять же, как правило, относит к их компетенции оценку того, нужно ли вызывать свидетелей. Что касается свидетелей со стороны заявителя, то, соответственно, ему было недостаточно жаловаться на то, что ему не позволили допросить некоторых из них; он должен был в дополнение подтвердить необходимость их допроса, разъяснив, почему было важно выслушать этих свидетелей и почему их показания должны были быть необходимы для установления истины (*Perna v. Italy* [GC], no. 48898/99, § 29, ECHR 2003-V). Только исключительные обстоятельства могут побудить Суд заключить, что отказ заслушать свидетеля противоречит статье 6 (*Bricmont v. Belgium*, judgment of 7 July 1989, Series A no. 158, § 89). В отношении свидетелей обвинения Суд признал в ряде случаев (см. помимо прочего: *Isgrò v. Italy*, judgment of 19 February 1991, Series A no. 194-A, § 34; *Lüdi v. Switzerland*, judgment of 15 June 1992, Series A no. 238, § 47), что при определенных обстоятельствах может оказаться необходимым обратиться к показаниям, данным на этапе следствия. Однако в случае, если приговор целиком или в решающей степени основывается на показаниях, данных лицом, которого обвиняемый не имел возможности допросить или он не был допрошен либо во время следствия, либо в суде, то права защиты являются ограниченными до такой степени, которая несовместима с гарантиями, предоставляемыми статьей 6 (см.: *Lucà v. Italy*, no. 33354/96, § 40, ECHR 2001-II).

Поскольку заявитель назвал г-на Ч. среди лиц, которых суд первой инстанции отказался вызвать для допроса, Суд будет исходить из предположения, что г-н Ч. является свидетелем защиты. Суд находит, что российские суды не могут нести ответственность за его неявку, поскольку они пришли к выводу о невозможности этого в связи с тем, что г-н Ч. был южнокорейским гражданином,

объявленным в России *persona non grata* за деятельность, не совместимую с его дипломатическим статусом, и в рассматриваемый период времени был вне юрисдикции российских судов. Суд напоминает, что *impossibilium nulla est obligatio*; ясно, что заявитель, настаивая на вызове г-на Ч., выдвигал требование, которое в принципе было невозможно удовлетворить (ср.: *Ubach Mertes v. Andorra* (dec.), no. 46523/99, 4 May 2000). Договор о взаимной правовой помощи между Россией и Кореей был действительно подписан в 1999 года, но он вступил в силу 10 августа 2001 года, т.е. за четыре дня до постановления приговора. Суд поэтому считает, что отказ национальных судов вызвать г-на Ч. в обстоятельствах данного дела не нарушил права защиты и не лишил заявителя справедливого судебного разбирательства.

Что касается допроса экспертов, то Суд отмечает, что представленные заявителем материалы являются нечеткими и в них отсутствуют ключевые детали, такие как количество экспертов в группе или группах, которые анализировали документы, и их имена. Заявитель признал, однако, что он имел возможность назначить, по крайней мере, одного эксперта по своему выбору – по-видимому г-на Г. Не оспаривалось, что заявитель не имел возможности задать дополнительные вопросы экспертной группе в порядке, установленном внутренним законодательством (статья 185 § 3 действующего в то время Уголовно-процессуального кодекса). Похоже, что г-н Г. участвовал в экспертизе и подписал экспертное заключение, которое было представлено суду первой инстанции. Соответственно Суд не считает установленным, что последующий отказ суда первой инстанции вызвать г-на Г. в суд в качестве свидетеля ущемил права защиты или сделал судебное разбирательство несправедливым (см.: *Brandstetter v. Austria*, judgment of 28 August 1991, Series A no. 211, § 46). В любом случае Суд напоминает, что право на справедливое судебное разбирательство не содержит требования о том, что национальный суд должен по ходатайству защиты назначать дополнительных экспертов, когда мнение назначенных судом экспертов поддерживает обвинение (см. выше).

Насколько можно установить из бессодержательных пояснений заявителя, г-н Л.М., г-жа Н.М., г-н Ко. и г-н (или г-жа) Е. также являлись свидетелями с его стороны, вызова которых в суд он добивался. Суд отмечает, что кроме безосновательного утверждения о том, что эти свидетели могли бы «опровергнуть клеветнические заявления» обвинения и доказать его невиновность, заявитель достаточно четко не объясняет, какая была бы польза от их допроса в обстоятельствах данного дела. Отсюда следует, что не было исключительных обстоятельств, подтверждающих вывод о том, что

отказ национальных судов заслушать этих свидетелей был несовместим со статьей 6.

Заявитель также жалуется на отказ судов вызвать г-на Ал., которого суд первой инстанции назначил переводчиком документов с корейского языка и чей перевод заявитель считает недостаточно точным, по крайней мере, частично. Заявитель не объясняет, в чем могла бы заключаться польза от допроса г-на Ал. В этой связи Суд отмечает, что заявителю, который сам хорошо говорит по-корейски, не запрещали оспаривать точность перевода и раскрывать свои возражения. Из приговора также известно, что суд первой инстанции не остался глух к его доводам и заслушал устные показания свидетеля М., который также изучал корейский язык и разъяснил значение спорных моментов перевода. Суд далее отмечает, что утверждение заявителя о том, что суд не проверил документы, подтверждающие знания г-на Ал., внутренне противоречиво, поскольку в других местах представленных материалов, он говорит, что возражал против назначения г-на Ал. из-за его работы в прошлом в военно-дипломатическом отделе государственного информационного агентства «Новости».

Далее Суд рассмотрит ту часть жалобы, которая, как представляется, относится к свидетелям обвинения.

Из приговора следует, что свидетель, обозначенный как «К.Г.Б.», заявил на предварительном следствии, что большая часть документов, подготовленных в Министерстве иностранных дел, содержит конфиденциальную информацию и не должна передаваться иностранным государствам. Далее также следует, что свидетели, обозначенные как «М.А.И.» и «И.А.Т.» подтвердили следователям, что заявитель имел доступ к документам, которые представляли интерес для южнокорейцев, и что он должен был знать о связи г-на Ч. с южнокорейской разведкой. Национальные суды не допрашивали этих лиц, поскольку «К.Г.Б.» (г-н Ка.) и «М.А.И.» (г-н или г-жа Ма.) были за границей, а «И.А.Т.» (г-н Ир.) был болен.

Суд отмечает, что доказательства этих свидетелей были косвенными. Он также принимает во внимание, что показания на предварительном следствии г-на (г-жи) Ма. и г-на Ир. были подтверждены их коллегой «Т.Г.Д.», который вызывался в суд для дачи показаний и которого заявитель мог допросить. В любом случае нельзя говорить о том, что приговор заявителя основывался на их показаниях в решающей или значительной степени. Кроме того, Суд не находит никаких признаков халатности внутренних властей в их попытках вызвать этих лиц в суд первой инстанции (ср.: *Artner v. Austria*, judgment of 28 August 1992, Series A no. 242-A, § 21). При этих обстоятельствах Суд считает, что отказ вызвать вышеуказанных лиц в

суд не ущемил право заявителя на справедливое судебное разбирательство.

Отсюда следует, что настоящая жалоба в части, касающейся всех вышеуказанных свидетелей, не обоснована и должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

(b) В связи с жалобой заявителя на то, что национальные суды не допросили других свидетелей, включая г-на П., г-жу Т. и г-на (или г-жу) Н., Суд отмечает, что жалоба относительно этих свидетелей впервые прозвучала в ответе заявителя от 27 февраля 2004 года на меморандум правительства о приемлемости и по существу его жалобы в Суд. В соответствующей части жалобы от 1 ноября 2000 года с дополнениями от 7 февраля 2002 года, на основе которых о его жалобе было сообщено государству-ответчику, эти свидетели не были обозначены именами или другим способом. Однако окончательное решение по делу заявителя было вынесено 9 января 2002 года, т.е. более чем шесть месяцев до того, как была внесена жалоба относительно этих свидетелей.

Отсюда следует, что эта часть жалобы представлена не своевременно и должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 1 и 4 Конвенции (см.: *A. v. Finland* (dec.), no. 44998/98, 8 January 2004).

I. Другие жалобы на основании статьи 6

В заключение суд рассмотрел другие жалобы заявителя на основании статьи 6, как они им представлены.

Однако, изучив все материалы, имеющиеся в его распоряжении, Суд пришел к заключению, что эти жалобы не раскрывают ни одного признака нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции и Протоколах к ней. Отсюда следует, что другие жалобы должны быть отклонены как необоснованные на основании статьи 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

IV. СТАТЬЯ 7 КОНВЕНЦИИ

На основании статьи 7 Конвенции заявитель жалуется на то, что приговор в отношении него основывается на законе, который невозможно было предвидеть, и на его ретроактивном применении, поскольку во время совершения им вмененного преступления не было установленного законом перечня сведений, составляющих государственную тайну. В соответствующем разделе статьи 7 говорится следующее:

“1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному и международному праву не являлось уголовным преступлением...”

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами”.

Аргументы сторон

Правительство утверждает, что вмененное заявителю преступление было правильно определено на основании статьи 275 Уголовного кодекса Российской Федерации («нового УК»), поскольку заявитель совершил преступление в период с начала 1994 года по 3 ноября 1998 года, т.е. даже после того, как Уголовный кодекс вступил в силу 1 января 1997 года. Оно также указало, что национальные суды правильно применили новый, более мягкий Уголовный кодекс, который по делам государственной измены предусматривает более длительное лишение свободы, но не высшую меру.

Заявитель не согласен. Он утверждает, что обвинение не смогло доказать наличие у него прямого умысла на причинение ущерба безопасности Российской Федерации. По его мнению, статья 275 нового УК была применена ретроактивно, поскольку новый УК вступил в силу только 1 января 1997 года, а ему не предъявляли обвинение по статье 64 старого УК. Более того, наказание по статье 275 является более суровым, чем по статье 64, поскольку срок лишения свободы выше.

Заявитель далее утверждает, что статья 275 не имеет четкого определения «шпионажа» и «сбора... прочей информации», и потому ее применение было невозможно предвидеть. До 6 октября 1997 года также российский закон «О государственной тайне» не содержал перечня сведений, составляющих государственную тайну. Такой перечень был принят Постановлением правительства от 18 сентября 1992 года и Указом Президента от 21 июля 1993 года, но не один из них не был «законом» по смыслу статьи 29 § 4 российской Конституции. Следовательно, в период между 12 декабря 1993 года, когда была принята Конституция, и 6 октября 1997 года, когда были внесены изменения в закон «О государственной тайне», существовала правовая лакуна и никакая информация не могла быть признана государственной тайной на законных основаниях. Заявитель ссылается на прецедентные решение российского Конституционного Суда и Определение Верховного Суда от 17 апреля 2000 года, которые оправдали бывшего офицера ВМФ Никитина по обвинению в шпионаже на Норвегию (см.: *Никитин против России*, № 50178/99,

Постановление от 20 июля 2004 года, § 16). Заявитель утверждает, что в его деле экспертная группа определила секретность переданной информации на основании неопубликованных приказов Министерства обороны и Министерства иностранных дел. Более того, что касается перечня Министерства иностранных дел, утвержденного 5 августа 1995 года, то эксперты применили его ретроактивно для определения секретности пяти документов, которые появились в свет до этого перечня.

Оценка Суда

В свете аргументов, представленных сторонами, Суд полагает, что эта жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права в соответствии с Конвенцией, установление которых требует рассмотрения по существу. В связи с этим Суд приходит к заключению, что настоящая жалоба не является необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено.

V. СТАТЬЯ 8 КОНВЕНЦИИ

На основании статьи 8 Конвенции заявитель жалуется на слежку за ним в 1992-1994 годах, на ночной обыск 3 июля 1998 года, на ограничения на свидания с членами семьи и на переписку в изоляторе «Лефортово», а также на лишение его регистрации по месту жительства. В статье 8 говорится следующее:

“1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

A. Обыск 3 июля 1998 года

На основании статьи 8 заявитель жалуется на незаконные, по его мнению, ночной обыск его квартиры 3 июля 1998 года и наложение ареста на личные вещи.

В первую очередь Суд рассмотрит, исчерпал ли заявитель внутренние средства правовой защиты в отношении этой жалобы. Он отмечает, что статьи 218 и 220 действовавшего в то время Уголовно-процессуального кодекса, как они истолкованы Конституционным Судом Российской Федерации 23 марта 1999 года, предусматривали судебное обращение с жалобами, касающимися, в частности, предполагаемого вмешательства в конституционные права пострадавшего на уважение его жилища. Заявителя представляли три профессиональных адвоката с большим судебным опытом в уголовных делах, которые должны были бы знать об этом способе обжалования. Однако они не воспользовались им. Соответствует истине то, что адвокаты заявителя в дальнейшем упомянули о предполагаемой незаконности обыска и наложения ареста на личные вещи в своих кассационных жалобах на приговор в Верховный Суд Российской Федерации. В этой связи Суд повторяет, что, как он уже отмечал выше, объем рассмотрения кассационной инстанцией был ограничен вопросами, относящимися к определению уголовного обвинения в отношении заявителя. Вопросы, относящиеся к законности обыска и наложения ареста на личные вещи, могли бы иметь значение для определения приемлемости доказательств, полученных в результате обыска, и оценки справедливости судебного разбирательства в целом. Однако при этом разбирательстве Верховный Суд был неправомочен рассматривать или возмещать предполагаемые нарушения права заявителя в отношении его жилища.

Отсюда следует, что эта жалоба должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 1 и 4 Конвенции в связи с неисчерпанностью внутренних средств правовой защиты.

В. Слежка в 1992-1994 годах

На основании статьи 8 Конвенции заявитель жалуется на прослушивание его телефонных разговоров и слежку за его личной жизнью во время его пребывания в Южной Корее в период с 1992 по 1994 год.

Суд отмечает, что эти события имели место до 5 мая 1998 года, когда Конвенция была ратифицирована Российской Федерацией.

Отсюда следует, что жалоба несовместима *ratione temporis* с положениями конвенции по смыслу статьи 35 § 3 и должна быть отклонена на основании статьи 35 § 4.

С. Ограничения на свидания с членами семьи и переписку

На основании статьи 8 Конвенции заявитель жалуется на строгие и незаконные ограничения на его переписку и свидания с членами семьи во время нахождения под стражей.

Аргументы сторон

Правительство утверждает, что во время предварительного следствия следователи «разумно ограничивали» свидания заявителя с родственниками на основании статьи 18 закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления». В последующие периоды родственники заявителя могли навещать его «на регулярной основе».

Заявитель утверждает, что ему не было разрешено ни одного свидания с членами семьи в течение первых девяти месяцев и шести дней после задержания 3 июля 1998 года. В последующие периоды свидания были ограничены по количеству и времени: ему разрешалось только два свидания в месяц продолжительностью один час, каждый раз он был отделен от жены или дочери решеткой и стеклянной перегородкой и мог говорить с ними по внутреннему телефону в присутствии надзирателя. Более того, в соответствии с административной практикой Верховного Суда ему не разрешались какие-либо свидания с членами семьи в период с 3 марта по 5 сентября 2000 года и в период с 7 декабря 2001 года по 10 января 2002 года, когда рассматривались кассационные жалобы на приговор.

Заявитель далее утверждает, что его входящая и исходящая корреспонденция подвергалась цензуре. Более того, он мог иметь при себе полученные письма только в течение суток. К тому же администрация изолятора ограничивала количество фотографий, которые родственники могли передавать ему, а ему разрешалось иметь в камере не более двух фотографий.

Заявитель считает, что эти ограничения не были основаны ни на каком внутреннем законе и, в любом случае, не соразмерны.

Оценка Суда

В свете аргументов, представленных сторонами, Суд полагает, что эта жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права в соответствии с Конвенцией, установление которых требует рассмотрения по существу. В связи с этим Суд приходит к заключению, что настоящая жалоба не является необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Никаких других оснований для признания ее неприемлемой не установлено.

D. Лишение регистрации по месту жительства

На основании статьи 8 Конвенции заявитель жалуется на решение отделения милиции аннулировать его регистрацию по месту жительства.

Даже допуская, что оспариваемое решение представляет собой вмешательство в права заявителя, предусмотренные статьей 8 конвенции, Суд отмечает, что предстоят еще судебные разбирательства в отношении этого решения. Заявитель поэтому имеет все возможности высказать свои претензии в ходе этого разбирательства.

Отсюда следует, что эта жалоба должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 1 и 4 Конвенции в связи с неисчерпанностью внутренних средств правовой защиты.

VI. СТАТЬЯ 34 КОНВЕНЦИИ

Заявитель полагает, что ему препятствовали в осуществлении права на индивидуальную жалобу, предусмотренного статьей 34 Конвенции, тем, что Московский городской суд не давал разрешения на передачу его доверенности на направление жалобы в настоящий Суд. Статья 34 предусматривает следующее:

“Суд может принимать жалобы от любого физического лица..., которые утверждают, что являлись жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права”.

Аргументы сторон

Правительство признает, что 24 января 2001 года жене заявителя было отказано в разрешении получить доверенность заявителя. Однако подобная ее просьба 10 апреля 2001 года была удовлетворена в тот же день, и она расписалась за получение документа. По мнению правительства, ничто не препятствовало заявителю направить жалобу в настоящий Суд непосредственно через администрацию изолятора, а в функции российских судов не входит получение от подсудимых или передача третьим лицам их доверенностей.

Заявитель утверждает, что его жене понадобилось пять месяцев для получения его доверенности в Московском городском суде. Он осуждает утверждение правительства о том, что мог бы направить жалобу через администрацию изолятора, как «оскорбляющее» и

демонстрирующее «неприкрытое неуважение к Конвенции», не конкретизируя ничего далее.

Оценка Суда

В самом начале Суд отмечает, что, хотя эффективное осуществление права на индивидуальную жалобу в соответствии со статьей 34 Конвенции может действительно потребовать профессиональной правовой помощи для подготовки жалобы, это ни в коем случае не относится к подготовке доверенности. Стандартная форма, используемая Судом – это простой односторонний документ, и заявитель как высокообразованный человек должен бы был быть в состоянии заполнить ее самостоятельно, без советов адвокатов. Несмотря даже на то, что он написал «Центр международной защиты» вместо имени своего представителя, как требовалось в форме, законная сила доверенности не оспаривалась государством-ответчиком. По просьбе заявителя документ был заверен администрацией изолятора, хотя ни Конвенция, ни Регламент Суда не требует какой-либо заверки этого документа.

В отношении последующих событий Суд отмечает, что заявитель не объяснил, почему он просил администрацию изолятора передать его доверенность своей жене, которая не являлась ни профессиональным адвокатом, ни лицом, указанным в документе. Нет оснований полагать, что ему мешали послать ее в настоящий Суд или передать своим адвокатам, либо что он пытался сделать это. Кроме того, Суд отмечает, что в представленных материалах заявителя имеются, по крайней мере, две другие доверенности: одна, выданная жене заявителя 12 мая 2000 года (заверенная администрацией изолятора), в частности, «на представление интересов [заявителя] во всех судебных органах», и другая на стандартном бланке Суда, выданная г-ну Пойкерту 7 января 2001 года. Нет объяснений, почему этих доверенностей считалось недостаточно для подготовки жалобы заявителя в настоящий Суд.

Отсюда следует, что препятствования не было и дальнейшего рассмотрения этого утверждения не требуется.

На этих основаниях Суд единогласно

Провозглашает приемлемыми, не предрешая результатов рассмотрения по существу, жалобы заявителя, касающиеся:

- (a) условий его содержания в изоляторе «Лефортово», транспортировки в суд и обратно, содержания в здании суда;
- (b) продолжительности его заключения под стражу;

- (с) наличия возможностей для судебного рассмотрения и своевременности судебного рассмотрения его ходатайств об освобождении при разбирательствах в 2000 и 2001 годах;
- (d) справедливости судебного разбирательства и предполагаемого отсутствия независимости и беспристрастности суда первой инстанции;
- (е) продолжительности разбирательства дела;
- (f) ограничений на общение с адвокатами и на доступ к обвинительному заключению, материалам дела и записям, сделанным в ходе судебных заседаний;
- (g) возможности предвидеть применение норм, касающихся государственной тайны, и их ретроактивного применения;
- (h) ограничений на переписку заявителя и свидания с родственниками в СИЗО «Лефортово»;

Принимает решение не рассматривать утверждение о препятствовании на основании статьи 34;

Провозглашает неприемлемыми остальные жалобы.

Сорен НИЛЬСЕН
Регистратор

Кристос Розакис
Председатель